

Дж. Тернер

КОНФЛИКТНОЕ НАСЛЕДИЕ

*Структура человеческой теории, Часть II Теория Конфликта, Глава 5
Конфликтное наследие, М.: Прогресс, 1985*

В течение 50-х годов, по мере того как раскрывались существенные особенности схемы Парсонса, все содержание критических замечаний в его адрес сконцентрировалось вокруг одного пункта. Считалось, что функциональная теория в социологии, особенно ее разработанный Парсонсом вариант, затушевывает конфликтную природу социальной действительности. Вскоре нападки, идущие в этом направлении, превратились в ритуальную церемонию для тех социологов, которые пытались теоретически искупить прошлые грехи и которые теперь считали, что теория конфликтов должна вывести социологию из теоретического застоя.

Как доказывал в 1956 г. Дэвид Локвуд¹, Парсонс, который в интересах функционального анализа постоянно допускал, что система находится в состоянии равновесия, создал вымышленную концепцию социальной жизни. Исходя из этого фантастического мира (так Локвуд обозначил содержание концепции Парсонса), функциональный анализ обязательно должен был подчеркивать только те механизмы, которые поддерживали социальный порядок, а отнюдь не те, которые систематически порождали беспорядок и перемены. Более того, постоянно предполагая порядок и равновесие, такие повсеместные явления, как неустойчивость, беспорядок, конфликты, слишком легко стали считать отклонениями, аномалиями и патологией. Тогда как в действительности, настаивал Локвуд, в обществе были «механизмы», которые делали конфликты неизбежными и неотвратимыми. Например, из-за различий в распределении власти одни группы могли эксплуатировать другие, и в социальных системах складывались очаги напряженности и конфликтов. Кроме того, нехватка ресурсов в обществе неизбежно порождала борьбу за их распределение. Наконец, то обстоятельство, что из-за различия своих интересов разные общественные группы преследуют разные цели и, следовательно, должны соперничать друг с другом, приводит к тому, что конфликт обязательно должен разыграться. Эти силы, доказывал Локвуд, представляли «механизмы» социального беспорядка, которые при исследовании социальных систем должны иметь такое же аналитическое значение, как и парсонсовские механизмы социализации и социального контроля. Как отмечалось в главе 3, к концу этого десятилетия Ральф Дарендорф окончательно сформулировал аргументацию этого направления, сравнив функциональную

теорию с утопией². Утопии обычно имели несколько исторических предшественников, как, например, имела их гипотеза равновесия Парсонса; утопии обнаруживали универсальную согласованность преобладающих ценностей и институтов — в духе, поразительно напоминающем парсонсовское понятие институционализации; утопии всегда выявляли процессы, благодаря которым поддерживается ныне существующее устройство, что очень похоже на «механизмы» парсонсовской «социальной системы». Следовательно, и утопии, и социальная жизнь, если их рассматривать с функциональной точки зрения, изменяются не слишком серьезно, так как они не имеют отношения ни к истории, ни к расхождению с ценностями, ни к конфликтам в институциональном устройстве.

Таким образом, в начале прошлого десятилетия были заново открыты конфликты и изменения, что побудило некоторых провозгласить точку зрения конфликта «новой социологией»³. Но в действительности конфликтное направление так же старо, как и функционализм; оно имеет своим источником работы двух немецких социологов— Карла Маркса* и Георга Зиммеля, которые приблизительно были современниками выдающихся органицистов. И подобно тому, как современный функционализм подтверждает правоту этих органицистов, так и современная теория конфликта многим обязана мыслям Маркса и Зиммеля.

Карл Маркс и диалектическая теория конфликта*

Развивая модель конфликта революционного класса и социального изменения, Маркс создал такой образ социальной организации, который оказывает значительное влияние на современную социологическую теорию. Маркс начинает с простого допущения: экономическая организация, особенно собственность, определяет организацию всего остального общества. Классовая структура и институциональное устройство, так же как и культурные ценности, убеждения, религиозные догмы и другие идеи, существующие в социальных системах, в конечном итоге являются отражением экономического базиса общества. Затем он ввел дополнительное допущение: экономической организации любого общества, за исключением конечного коммунистического общества, свойственны такие силы, которые неизбежно порождают революционный классовый конфликт. Считается, что такие революционные классовые конфликты имеют диалектический характер и происходят в определенную эпоху, причем сменяющие друг друга базисы экономической организации несут в себе зародыши собственного разрушения благодаря поляризации классов и последующему свержению господствующего класса угнетенным. Отсюда следует третье допущение: конфликт имеет два полюса, причем эксплуатируемый класс, сложившийся в определенных

экономических условиях, начинает сознавать свои истинные «интересы» и в конце концов образует революционную политическую организацию, которая выступает против господствующего, владеющего собственностью класса.

* Дж. Тернер считает К. Маркса одним из создателей теории конфликта. В действительности К. Маркс разработал стройное и целостное диалектико-материалистическое учение о противоречии и применил его к анализу социальных противоречий, где конфликт выступает как момент, как частный случай, как одна из форм проявления противоречия, хотя и в высшей степени существенная. См. также вступительную статью к данной книге. — *Прим. ред.*

На основе работ Маркса возникает ряд допущений, которые бросают прямой вызов допущениям, приписываемым функционализму, и служат интеллектуальным трамплином для конфликтной альтернативы социологического теоретизирования:

1. Несмотря на то, что социальные отношения проявляют свойства систем, они все же изобилуют конфликтными интересами.
2. Это обстоятельство свидетельствует о том, что социальная система систематически порождает конфликты.
3. Следовательно, конфликт является неизбежным и очень распространенным свойством социальных систем.
4. Подобные конфликты имеют тенденцию проявляться в полярной противоположности интересов.
5. Конфликты чаще всего происходят из-за недостаточности ресурсов, особенно власти.
6. Конфликт — главный источник изменения социальных систем.

По-видимому, на развитие современной теории конфликта, помимо этих допущений, имеющих законную силу, такое же влияние оказали форма и содержание причинных представлений Маркса. Эти представления принимают в общем форму следующего допущения: конфликт — это неизбежная и неотвратимо действующая в социальных системах сила, которая активизируется при некоторых специфических условиях. Считается, что при некоторых из этих условий латентные классовые интересы (находящиеся в состоянии «ложного сознания») превращаются в явные классовые интересы («классовое сознание»), а это в свою очередь при определенных дополнительных условиях приводит к поляризации общества на два класса, соединенных в революционном конфликте. Таким образом, по Марксу, существует ряд условий, которым отводится роль опосредующих переменных, ускоряющих или замедляющих неизбежное превращение классовых интересов в революционный классовый конфликт.

Помимо способа аргументации, большое значение для понимания современной социологической теории имеет содержание модели Маркса. С другой стороны, ее существенный вклад лучше всего можно понять, если изложить предложения теоретической схемы Маркса в более абстрактной форме и тем самым отвлечься от его полемики по поводу социальных классов и революций. Несмотря на то, что многие особенности выполненного Марксом анализа при таком изложении будут утрачены⁴¹⁵, все, чем современная социологическая теория обязана Положениям Маркса, может стать при этом более очевидным. Эти положения приводятся в табл.1⁶. В табл. 1* сделанные Марксом допущения о природе социальной действительности и ее ключевых причинных связей выражены пропозиционально. Именно благодаря этой пропозициональной форме можно будет надолго сохранить вклад Маркса в современную социальную теорию.

Таблица 1

КЛЮЧЕВЫЕ ТЕЗИСЫ МАРКСА

I. Чем более неравномерно распределены в системе дефицитные ресурсы, тем глубже конфликт интересов между господствующими и подчиненными сегментами системы.

II. Чем глубже подчиненные сегменты начинают осознавать свои истинные коллективные интересы, тем более вероятно, что они будут сомневаться в законности существующей в настоящее время формы распределения дефицитных ресурсов.

A. Чем больше социальные перемены, производимые господствующими сегментами, подрывают существующие в настоящее время отношения между подчиненными, тем более вероятно, что эти последние начнут осознавать свои истинные интересы.

B. Чем чаще господствующие сегменты создают у подчиненных состояние отчуждения, тем более вероятно, что эти последние начнут осознавать свои истинные коллективные интересы.

B. Чем больше члены подчиненных сегментов смогут жаловаться друг другу, тем более вероятно, что они начнут осознавать свои истинные коллективные интересы.

1. Чем больше экологическая концентрация членов подчиненных групп, тем более вероятно, что они сообщают друг другу свои жалобы.

2. Чем выше возможности членов подчиненных групп получить образование, чем разнообразнее используемые ими средства коммуникации, тем более вероятно, что они должны будут обмениваться жалобами.

Г. Чем больше подчиненные сегменты сумеют развить унифицированную идеологию, тем более вероятно, что они начнут сознавать свои истинные коллективные интересы.

1. Чем выше способность вербовать или порождать идеологов, тем более вероятна идеологическая унификация.

2. Чем ниже способность господствующих групп регулировать процессы социализации и сети коммуникаций в системе, тем более вероятна идеологическая унификация.

III. Чем больше подчиненные сегменты системы сознают свои коллективные интересы, чем больше они сомневаются в законности распределения дефицитных ресурсов, тем более вероятно, что они должны будут сообща вступить в открытый конфликт с доминирующими сегментами системы.

A. Чем меньше способность господствующих групп проявлять свои коллективные интересы, тем более вероятно, что подчиненные группы должны будут вступить в конфликт сообща.

IV. Чем выше идеологическая унификация членов подчиненных сегментов системы, тем более развита их структура политического руководства, тем сильнее поляризация господствующих и подчиненных сегментов системы.

V. Чем сильнее поляризации господствующих и угнетенных, тем более насильственным будет конфликт.

VI. Чем более насильственным является конфликт, тем больше структурные изменения системы и перераспределение недостающих ресурсов.

Георг Зиммель и конфликтный функционализм

Георг Зиммель стремился сформулировать такие теоретические суждения, которые в своей совокупности уловили бы *форму базисных социальных процессов*, — подход, который он назвал формальной социологией. Сначала он попытался на основе своих собственных размышлений создать абстракции формальных свойств процессов и событий в самых разнообразных социальных контекстах. При этом Зиммель надеялся развить абстрактные положения, которые позволили бы выделить наиболее фундаментальные социальные процессы, лежащие в основе всех образцов социальной организации. Именно здесь, в этой деятельности, его гений проявился гораздо очевиднее, чем в кратком очерке, посвященном конфликту⁷, который послужил главным источником современной социологической теории конфликта.

Подобно Марксу^{**}, Зиммель считал, что конфликт в обществе неизбежен и

неотвратим; он полагал, что социальная структура состоит не столько из господства и подчинения сколько из разнообразных, неразрывно связанных процессов ассоциации и диссоциации, которые можно отделить друг от друга только в ходе анализа:

* Относительно табл. 1 см. предыдущее примечание редактора. — *Прим. ред.*

** В связи с неправомерными аналогиями, проводимыми -Дж. Тернером между Марксом и Зиммелем, см. примечание редактора на с. 126, а также вступительную статью, — *Прим. ред.*

«Структура, возможно, есть *sui generis*, в которой мотивация и форма циклически взаимодействуют друг с другом, и только для того, чтобы иметь возможность описать и понять ее, мы *post factum* сопоставляем обе эти тенденции, считая одну из них монистической, а другую — антагонистической»⁸.

Причина, по которой Зиммель придает этому положению особое значение, отчасти заключается в его «организмической» точке зрения на социальную действительность: обнаруживая формальные свойства, социальные процессы, очевидно, носят системный характер— замечание, которое, несомненно, выведено из организмических доктрин, господствовавших в социологии в его время. Этот деликатный органицизм заставляет Зиммеля отыскивать те последствия конфликта, которые ведут к сохранению социального континуума, а не к его изменению:

«Конфликт, таким образом, предназначен для решения любого дуализма это — способ *достижения своеобразного единства* (курсив мой.—Дж. Т.), даже если оно достигается ценой уничтожения одной из сторон, участвующих в конфликте. Здесь мы можем провести некоторую параллель с тем, что, как известно, наиболее сильный симптом болезни — это попытка организма избавиться от нарушений и повреждений, вызываемых конфликтами его частей».⁹.

В явном противоречии с гармонией, которая обязательно подразумевается этим органицизмом, Зиммель постулировал для отдельных единиц органического целого внутренний «импульс враждебности», или «потребность *ненавидеть* и *бороться*», хотя этот инстинкт и смешан с инстинктами любви и страсти и ограничен действием общественных отношений. Следовательно, Зиммель считал, что конфликт выражает не просто столкновение интересов, но и нечто большее — нечто такое, что возникает на основе инстинктов враждебности. Подобные

конфликты могут либо обостряться благодаря столкновениям интересов, либо смягчаться — как благодаря гармонии отношений, так и благодаря инстинкту любви. Однако в конечном итоге Зиммель все же считает, что одним из конечных источников конфликта является внутренняя биологическая природа людей-«актеров».

Возможно, именно благодаря попыткам совместить свои допущения о природе социального организма с замечаниями относительно инстинктов любви и ненависти Зиммель предпринял самые серьезные усилия с тем, чтобы проанализировать положительные последствия конфликта для сохранения социального целого и составляющих его единиц. При этом враждебные импульсы рассматривались им не столько как противоречия или рак, разъедающий органическое целое, сколько в качестве одного из тех многочисленных процессов, которые обеспечивают сохранение социального организма. Таким образом, хотя Зиммель и признает, что полностью кооперированное, гармоническое и интегрированное общество не обнаружило бы «никаких процессов жизнедеятельности», все же его анализ конфликта обращает внимание в основном на то, каким образом конфликт содействует сплоченности и унификации.

Именно благодаря этому аспекту в работах Зиммеля, посвященных конфликту, складывается образ организации общества, принципиально отличный от той картины, на которой настаивает Маркс:

1. Социальные отношения складываются лишь в системном контексте, воплощением которого служит только органическая взаимосвязь процессов ассоциации и диссоциации.

2. Подобные процессы одновременно являются выражением как инстинктивных импульсов «актеров», так и императивов, продиктованных различными типами социальных отношений.

3. Следовательно, конфликтные процессы — это очень распространенная черта социальных систем, однако они далеко не обязательно и отнюдь не во всех случаях приводят к разрушению системы и/или социальным изменениям.

4. Действительно, конфликт — это один из главных процессов, которые служат сохранению социального целого и/или некоторых составляющих его частей.

Эти допущения отражены в многочисленных специфических высказываниях¹⁰, которые, очевидно, сделаны Зиммелем на основе прямого наблюдения происходящих вокруг событий и чтения исторических источников, объясняющих конфликты. В своих высказываниях Зиммель рассматривает конфликты в качестве *переменной*, которая проявляет различные степени

интенсивности или силы. Полюсами того континуума, который образован этой переменной, по-видимому, являются «конкуренция» и «борьба», причем конкуренция связана с более упорядоченной взаимной борьбой партий, приводящей к их взаимному обособлению, а борьба обозначает более беспорядочную, непосредственную битву партий".

Несмотря на то, что Зиммель не дает экстенсивной разработки функциональных параметров конфликта и не пользуется своей собственной терминологией, определения Зиммеля вызвали у современных социологов длительную дискуссию о том, что является и что не является конфликтом¹². Эта дискуссия часто вырождалась в игру словами и терминами, но по существу она ставила серьезный вопрос — проблему уточнения понятий, употребляемых в высказываниях о конфликтных процессах; именно эту спорную теоретическую проблему Зиммель, совершенно очевидно, считал решающей.

Вероятно, органицизм Зиммеля сыграл решающую роль в концептуализации конфликта как изменчивого явления. В отличие от Маркса, который думал, что конфликт в конце концов обязательно усиливается, приобретает революционный характер и приводит к структурным изменениям системы, Зиммель чаще всего анализировал явления противоположного характера — менее интенсивные и острые конфликты, которые укрепляли прочность и интеграцию системы, стимулировали ее упорядоченные изменения¹³. Однако в пределах своего мягкого органицизма Зиммель все же высказал ряд суждений, относящихся к остроте конфликта, то есть к степени прямой конфронтации и насилия борющихся партий. Как и в случае с Марксом, все воздействие исследований Зиммеля на современную теорию можно будет лучше понять в том случае, если изложить его положения более формализованно, в более абстрактном виде по сравнению с его описательным очерком. Эти положения перечислены в табл. 2. В предложении I табл. 2 Зиммель обращается к вопросу об эмоциональной причастности к конфликту участвующих в нем партий, он полагает, что, чем сильнее эмоции, вызванные конфликтом, с тем большей вероятностью конфликт будет связан с применением насилия. Предложения I-A и I-B, которые, по-видимому, относятся к межличностным конфликтам отдельных индивидов, делают ударение на том, что чувства, вызванные прежней близостью, враждой или ревностью, усилят остроту такого конфликта. В предложениях II—VII Зиммель переключается с исследования индивидуальных конфликтов на групповые. Он предполагает, что чем лучше различаются и идентифицируются конфликтующие друг с другом группы (II), тем больше будет их внутренняя сплоченность (III). Далее, вероятность того, что конфликт вызовет применение насилия, будет тем выше, чем гармоничнее были

раньше отношения участвующих в конфликте групп (IV), чем меньше эти группы были изолированы и обособлены (V), чем больше каждая из этих групп считает конфликт самоцелью (VI), чем больше члены конфликтующих групп полагают, что конфликт выходит за пределы их индивидуальных интересов (VII).

Таблица 2

**КЛЮЧЕВЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ЗИММЕЛЯ, КАСАЮЩИЕСЯ ОСТРОТЫ
КОНФЛИКТОВ**

I. Чем больше группы вовлечены в конфликт эмоционально, тем острее конфликт.

A. Чем выше была раньше степень причастности групп к конфликту, тем сильнее они вовлечены в него эмоционально.

Б. Чем сильнее была раньше вражда между группами, принимающими участие в конфликте, тем сильнее их эмоции, вызванные конфликтом.

В. Чем сильнее соперничество участвующих в конфликте, тем сильнее их эмоции, вызванные конфликтом.

II. Чем лучше «сгруппированы» группы, втянутые в конфликт, тем он острее.

III. Чем выше относительная сплоченность участвующих в конфликте групп, тем острее конфликт.

IV. Чем крепче было раньше согласие участвующих в конфликте групп, тем острее конфликт.

V. Чем меньше изолированы и обособлены конфликтующие группы благодаря широкой социальной структуре, тем острее конфликт.

VI. Чем меньше конфликт служит просто средством достижения цели, чем больше он становится самоцелью, тем он острее.

VII. Чем больше, по представлению его участников, конфликт выходит за пределы индивидуальных целей и интересов, тем он острее.

Зиммель понимает, что связанная и унифицированная организация конфликтных групп (предложения II—III), члены которых испытывают в связи с конфликтом сильные эмоции (I) и цели которых определяются как надиндивидуальные (VII), в результате приведет к конфликтам, связанным с применением насилия. Зиммель не считает, что такие острые конфликты непременно вызовут реорганизацию социальной системы. Несмотря на то, что и Маркс, и Зиммель, по-видимому, ставят один и тот же теоретический вопрос:

каковы последствия конфликта для социальной системы и для участвующих в нем групп? Несмотря на то что, по мнению обоих этих авторов, конфликт соответственно и объединяет, и поляризует конфликтные группы, — несмотря на все это, они начинают расходиться, когда Зиммель подчеркивает, что конфликт приводит к дальнейшей интеграции более широкой социальной системы, в которой он происходит. Этот интерес к интегративным функциям конфликта как для обеих его сторон, так и для социального целого, вероятно, совершенно неизбежен, если принять во внимание организмические допущения, на которых основывается формулировка специфических для Зиммеля суждений. В табл. 3 и 4 соответственно обобщаются функции конфликта и по отношению к вовлеченным в него группам, и по отношению к социальному целому¹⁴.

Таблица 3

**ФУНКЦИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА ПО ОТНОШЕНИЮ
К УЧАСТВУЮЩИМ В НЕМ СТОРОНАМ**

I. Чем сильнее внутригрупповые раздоры и чаще межгрупповые конфликты, тем менее вероятно, что границы между группами должны исчезнуть.

II. Чем сильнее острота конфликта, чем меньше интегрирована группа, тем больше вероятность деспотической централизации конфликтных групп.

III. Чем острее конфликт, тем сильнее внутренняя сплоченность конфликтных групп.

A. Чем больше острота конфликта и меньше конфликтные группы, тем выше их внутренняя сплоченность

1. Чем острее конфликт и меньше конфликтная группа, тем меньше в каждой группе терпимости к отклонениям и разногласиям

B. Чем острее конфликт и чем больше группа выражает позицию меньшинства в данной системе, тем сильнее ее внутренняя сплоченность⁶.

B. Чем острее конфликт и чем больше группа занята самообороной, тем сильнее ее внутренняя сплоченность.

Таблица 4

ФУНКЦИИ КОНФЛИКТА ПО ОТНОШЕНИЮ К СОЦИАЛЬНОМУ ЦЕЛОМУ

I. Чем меньше острота конфликта, чем больше социальное целое базируется на функциональной взаимозависимости, тем более вероятно, что конфликт имеет интегративные последствия для социального целого.

II. Чем чаще конфликты и чем они менее остры, тем лучше члены

подчиненных групп могут избавиться от враждебности, почувствовать себя хозяевами своей собственной судьбы и, следовательно, поддерживать интеграцию системы.

III. Чем менее острый конфликт и чем он чаще, тем больше вероятность того, что будут созданы нормы, регулирующие конфликты.

IV. Чем сильнее вражда между группами в социальной иерархии, чем реже при этом открытые конфликты между ними, тем сильнее их внутренняя сплоченность, тем вероятнее, что они будут держать определенную социальную дистанцию и тем самым содействовать сохранению существующего социального порядкам

V. Чем более продолжителен и менее остр конфликт между группами, в различной степени обладающими властью, тем более вероятно, что ониотрегулируют свое отношение к власти.

VI. Чем острее и продолжительнее конфликт, тем более вероятно, что группы, прежде не связанные между собой, образуют коалиции"¹.

VII. Чем продолжительнее угроза острого конфликта между партиями, тем прочнее коалиции, в которые вступает каждая из сторон, участвующих в конфликте.

В табл. 3 предложения I—III указывают на последствия конфликта для организации конфликтных групп. Если вернуться к табл. 2, то там утверждалось, что природа групповой организации и более широкий структурный контекст конфликта оказывают влияние на его остроту. Как свидетельствуют предложения, представленные в табл. 3, Зиммель, напротив, указывает на то, что острота конфликта вызывает изменения в организации конфликтных групп, обеспечивая тем самым различные образцы организации для различных условий. По-видимому, Зиммель имеет в виду двусторонний процесс обратной связи, где в определенный момент времени организация группы детерминирует остроту конфликта, а впоследствии острота конфликта воздействует на групповую организацию, которая в свою очередь окажет воздействие на остроту дальнейших конфликтов и т. д. — до тех пор, пока одна из участвующих в конфликте партий или какая-нибудь третья партия не сумеет разрешить этот конфликт. В этом циклическом процессе обратной связи, как считает Зиммель, повышенная острота конфликта создает: четкие границы между группами (предложение I); деспотическое руководство (II), особенно в тех случаях, когда группа первоначально раздроблена; внутреннюю сплоченность (III), особенно тогда, когда группа невелика (Ш-А), находится в меньшинстве (III-Б) и занята самообороной (III-В).

В табл. 4 Зиммель указывает, что ряд функций конфликта состоит в том,

чтобы в различных условиях обеспечивать создание различных форм интеграции систем. В предложении I Зиммель высказывает предположение о том, что в дифференцированных социальных системах, основанных на функциональной взаимообусловленности частей, менее острые конфликты усиливают интеграцию систем преимущественно тем, что мешают возникнуть острым разрушительным конфликтам. В предложении II Зиммель разъясняет и дополняет предложение I, замечая, что частые и не слишком длительные конфликты помогают избавиться от чувства враждебности, так как они внушают членам группы чувство контроля над своей собственной судьбой; поэтому частые и притом менее острые конфликты усиливают интеграцию, предотвращая всякую возможность накапливать чувства враждебности и раздражения. В предложении III Зиммель далее показывает, что частые, неглубокие конфликты могут содействовать интеграции системы, поскольку они институционализируются и, следовательно, начинают регулироваться нормативно. В предложении IV он постулирует, что в иерархически организованных системах, где часто разражаются конфликты, внутренняя сплоченность потенциальных конфликтных групп возрастает, но при этом возрастают и их изоляция, обособленность друг от друга, обеспечивая тем самым иерархическую основу интеграции системы. Предложение V означает, что продолжительные неострые конфликты групп, в разной степени обладающих властью, вероятно, институционализируются и начинают регулироваться при помощи норм (главным образом потому, что те, кто находится у власти, видят в конфликте только неприятности и, следовательно, считают, что их нужно регулировать, тогда как те, кто не обладает властью, считают, что все то, что находится «за пределами» конфликта, потенциально подлежит разрушению и, следовательно, нуждается в регулировании). В предложении VI утверждается, что острые и продолжительные конфликты содействуют созданию коалиций, причем это относится не только к различным партиям, принимающим участие в конфликте, но и к тем, на кого конфликт может оказать какое-либо влияние; таким образом, считается, что конфликт обеспечивает основу для интеграции ранее не связанных групп. Наконец, в предложении VII высказывается следующая мысль: чем продолжительнее и сильнее угроза конфликта, тем вероятнее долговечные коалиции между его потенциальными участниками.

Если вернуться к основным положениям Зиммеля, приведенным в табл. 2, 3 и 4, то в них, очевидно, можно найти много пробелов, неясностей, а возможно, и неверных выводов. Кроме того, положения в табл. 3 и 4, по-видимому, останавливаются исключительно на положительных функциях конфликтов. Несмотря на то, что инверсия каждого из этих предложений могла бы показать, при

каких условиях конфликт разрушает «социальный организм», Зиммель, по-видимому, не заботится о том, чтобы дать необходимые разъяснения; вместо этого он предпочитает подкреплять свой органицизм односторонними функциональными высказываниями. Однако, несмотря на все эти затруднения, схема Зиммеля производит большое впечатление тем, что наводит на новые размышления. Дело не только в том, что по своему содержанию каждое предложение связано с коренными социальными процессами, которые требуют дальнейших исследований, но и в том, что по своей форме (то есть при абстрагировании от наблюдений и от констатации условий, при которых, вероятно, происходят те или иные события) выполненный им анализ представляет собой подходящую модель для современного теоретизирования.

Возникновение теории конфликта: краткий обзор

Несмотря на то, что и Маркс, и Зиммель считали конфликт широко распространенным и необходимым свойством социальных систем, принятые ими допущения относительно природы общества в корне отличались друг от друга: Маркс подчеркивал антагонистический характер конфликтов, а Зиммель — его интегративные последствия. Эти различия выражаются в том, что они отдают предпочтение совершенно разным типам высказываний, причем Маркс обращается к условиям, которые могли бы разрешить конфликт, а Зиммеля интересует, при каких условиях может измениться острота конфликта. Кроме того, Маркса жизненно интересовали социально-структурные причины конфликта, тогда как Зиммель стремился сосредоточить свое внимание на форме и последствиях только что начавшегося конфликта, ограничиваясь при этом неопределенными ссылками на «борьбу инстинктов».

Сравнивая Маркса и Зиммеля, мы в равной мере заинтригованы тем обстоятельством, что все их высказывания, насколько можно обнаружить, противоречат ДРУГ другу. Например, с одной стороны, Зиммель доказывал, что чем яснее цели, преследуемые участниками конфликта, тем более вероятно, что конфликты можно считать просто средствами для достижения цели, причем в конфликте обе группы, пытаясь избежать той высокой цены, которую приходится платить за Острые или насильственные конфликты, будут вынуждены искать компромиссов и других альтернативных средств. С другой стороны, Маркс доказывает нечто прямо противоположное, когда утверждает, что как только социальный класс осознает свои истинные интересы (а следовательно, получает ясное представление о своих целях), то в этом случае насильственный конфликт

становится в высшей степени вероятным. Расхождение этих высказываний, по-видимому, проистекает из-за различия принятых авторами допущений, ибо Маркс допускает, что острый конфликт — это неизбежное и неотвратимое свойство социальных систем и их изменений, тогда как Зиммель просто допускает, что конфликт — это просто один и тот же процесс, меняющий свою остроту и имеющий разные последствия в том или ином социальном целом.

В какой-то мере современная теория конфликта попыталась объединить многообещающие особенности как схемы Маркса, так и схемы Зиммеля; однако даже после того, как это было выполнено, современные теоретики с гораздо большим энтузиазмом стремились принять допущения и суждения либо одного, либо другого из этих мыслителей. Такая избирательность привела к тому, что в современной социологической теории сложилось два основных направления, которые вдохновлялись либо Марксом, либо Зиммелем: 1) диалектическая теория конфликта и 2) конфликтный функционализм. Чаще всего считается, что именно эти направления обеспечат «новые» альтернативы функциональной социологической теории, а следовательно, и более адекватное решение поставленной Гоббсом проблемы порядка: как и почему возможно общество?

ГЛАВА 6

Диалектическая теория конфликта: Ральф Дарендорф

Ральф Дарендорф постоянно доказывал, что схема Парсонса₀ как и функционализм в целом, создает слишком гармоническое, интегративное и статичное представление об обществе. Несмотря на то что, как считается, общество имеет «два облика» — облик всеобщего согласия и облик конфликта — Дарендорф настаивает на том, что сейчас наступило время начать исследование «безобразного облика» общества и отказаться от утопической картины общества, созданной функционализмом. Чтобы покончить с утопиями, Дарендорф советует:

«В будущем концентрировать внимание не только на конкретных проблемах, но и на таких, которые можно объяснить только с точки зрения напряженности, конфликта и перемен. Возможно, этот второй облик общества в эстетическом отношении окажется далеко не столь приятным, как социальная система, однако, если бы вся социология должна была отыскивать легкий путь к утопическому спокойствию, вряд ли это окупало бы наши усилия»¹.

Следовательно, чтобы избежать утопии, требуется, чтобы одностороннюю функциональную модель заменила односторонняя конфликтная модель. Несмотря

на то что Дарендорф не считает эту перспективу конфликта единственным обликом общества², все же она является необходимым дополнением, которое восполнит прежнюю неадекватность функциональной теории. Именно из этого теоретического призыва возникает модель диалектической перспективы конфликта, которая, как провозглашает Дарендорф, больше соответствует тому, что происходит в мире, чем функционализм, и, следовательно, служит единственным выходом из утопии. В своем анализе Дарендорф никогда не забывает отметить, что в социальных системах, совершенно очевидно, помимо конфликтов, происходят и другие процессы и что даже те конфликтные явления, которые он предлагает изучить, не исчерпывают всего многообразия общественных конфликтов. Однако, высказав все это, Дарендорф затем приступает к такому исследованию, которое, по-видимому, противоречит этой характеристике, ибо в нем постоянно подразумевается, что данная конфликтная модель представляет собой более всеобъемлющую «теорию» общества, обеспечивающую более адекватное решение поставленной Гоббсом проблемы порядка.

Представления Дарендорфа об общественном порядке³

Согласно Дарендорфу, институционализация связана с созданием «императивно координированных ассоциаций» (в дальнейшем обозначаемых как ИКА), которые не имеют строгих критериев для своего определения и представляют собой хорошо различимую организацию ролей. Для этой организации характерны отношения власти, причем некоторые комплексы ролей обладают властью подчинять себе другие комплексы. Несмотря на то что высказывания Дарендорфа по этому вопросу несколько неясны, очевидно, что *любую* социальную единицу — от небольшой группы или учреждения до сообщества или общества в целом — можно в интересах исследования рассматривать в качестве ИКА, если в организации ролей существует явное дифференцированное распределение власти. Следовательно, несмотря на то что власть обозначает насилие одних над другими, в ИКА эти отношения власти стремятся стать узаконенными; следовательно, их можно рассматривать как отношения *авторитета*, где некоторые подразделения имеют «общепризнанное» или «нормативное» право властвовать над другими⁴. Таким образом, по представлению Дарендорфа, «общественный порядок» поддерживается при помощи процессов, создающих отношения авторитета в различных типах ИКА, существующих в каждом слое социальных систем.

Однако в то же время власть и авторитет — весьма дефицитные ресурсы, за

которые идет борьба и конкуренция между подгруппами вышеназванных ИКА и которые, следовательно, служат главными источниками конфликтов и перемен в этих институционализированных образцах. Этот конфликт в конечном итоге служит Отражением того, каково отношение к авторитету различных кластеров ролей в ИКА, так как «объективные интересы» той или иной роли находятся в прямой зависимости от того, пользуется ли та или иная роль авторитетом, обладает ли она властью над другими ролями.

Однако несмотря на то, что разные роли в ИКА в разной мере пользуются авторитетом, в любой конкретной ИКА можно выделить два основных типа ролей — правящих и управляемых, причем правящие комплексы «заинтересованы» в сохранении status quo, а управляемых — в перераспределении власти, или авторитета. При определенных условиях осознание этой противоположности интересов возрастает, и вследствие этого ИКА поляризуется на две конфликтные группы, каждая из которых отныне сознает свои объективные интересы, которые затем вступают в конкуренцию с авторитетом. «Решение» этой конкуренции или конфликта влечет за собой перераспределение авторитета в ИКА, превращая конфликт, таким образом, в источник социальных изменений в социальных системах. В свою очередь перераспределение авторитета представляет собой институционализацию нового комплекса правящих и управляемых ролей, при определенных условиях поляризующихся на две группы интересов, которые снова начинают конкурировать друг с другом в борьбе за авторитет. Итак, социальная действительность служит прообразом этих бесконечно повторяющихся конфликтов по поводу авторитета в различных типах ИКА, из которых состоит социальная система. Иногда конфликты в различных существующих в обществе ИКА частично накладываются друг на друга, что приводит к крупным, конфликтам, охватывающим большие сегменты общества, тогда как в другое время и при других условиях эти конфликты, ограничиваются рамками конкретной ИКА,

Представление об 'институционализации как о циклическом или диалектическом процессе привело Дарендорфа к исследованию только некоторых ключевых причинных отношений: 1) принимается, что конфликт — это неотвратимый процесс, возникающий из-за противоположности сил, действующих в социально организованных структурах; 2) подобный конфликт ускоряется или замедляется благодаря ряду опосредующих структурных условий, или переменных; 3) «решение» конфликта в какой-то момент времени создает такое состояние структуры, которое при определенных условиях с неизбежностью приводит к дальнейшим конфликтам противоборствующих сил.

По Марксу, источник конфликта в конечном итоге находится гораздо глубже,

чем культурные ценности и институты, которые представляют собой надстройку. В самом деле, динамика общества обнаруживается в его «внутренней структуре», где дифференцированное распределение собственности и власти с неизбежностью вызывает ряд следующих друг за другом событий, которые при определенных условиях приводят к революционному классовому конфликту. Дарендорф, несмотря на то что он часто заимствует терминологию Маркса по поводу власти и угнетения в социальных системах, в действительности полагает, что источник конфликта совершенно иной, а именно — институционализированные отношения авторитета в ИКА. Такая позиция сильно отличается от позиции Маркса, который считает, что подобные отношения авторитета — это просто «надстройка», которая в конце концов будет разрушена динамичными конфликтами, происходящими на более глубоких уровнях, чем институционализированные структуры. Хотя Дарендорф и признает, что на отношения авторитета оказывают влияние господствующие группы ИКА, и часто ссылается на такие вещи, как «фактуальный субстрат», источником конфликта при ближайшем рассмотрении все же становятся ролевые отношения узаконенного авторитета в ИКА. Этот отказ подчеркивать вслед за Марксом «внутреннюю институциональную структуру» вынуждает Дарендорфа отыскивать источник конфликта в тех самых отношениях, которые — хотя и временно — интегрируют ИКА. Быть может, сам по себе этот перенос удара весьма желателен, поскольку Дарендорф открыто признает, что власть лишь отчасти является отражением отношений собственности. Однако вскоре станет совершенно очевидно, что представление о власти только как об авторитете может привести к аналитическим проблемам, которые легко могут оказаться столь же трудными, как и те, что возникают в полемически заостренной модели Маркса.

Хотя и Дарендорф, и Маркс делают ударение на различных источниках конфликта, в их моделях обнаруживается, что к конфликту и реорганизации социальной структуры приводит аналогичная причинная цепь событий: отношения господства и подчинения ведут к «объективной» противоположности интересов*; осознание угнетенными этой внутренней противоположности интересов происходит при определенных условиях; при других условиях это новообретенное сознание приводит к созданию политической организации, а затем — к поляризации угнетенных групп, которые впоследствии вступают в конфликт с господствующей группой; в результате конфликта будет провозглашена новая форма социальной организации; в ней сложатся отношения господства и подчинения, которые повлекут за собой другие события, ведущие к конфликтам, а затем — к изменению форм социальной организации.

Опосредующие условия, влияющие на эти процессы, выделяются

Дарендорфом только по отношению к формированию угнетенными осознания противоположности своих интересов, политизации и поляризации угнетенных в конфликтную группу, а также по отношению к итогам конфликта. Остается не выясненным, при каких опосредующих условиях институционализированные формы создают господствующие и подчиненные группы, а эти последние могут стать примером противоположности интересов — наверное, потому, что они заложены в природе институционализации или ИКА и, следовательно, не нуждаются в объяснении.

На рис. 4 делается попытка наметить в общем и целом основные причинные представления Маркса и Дарендорфа**. В верхней части диаграммы помещены аналитические категории Маркса, выраженные в самой абстрактной форме. В двух других рядах дается соотносительный анализ эмпирических категорий Маркса и Дарендорфа. Аналитические категории модели Дарендорфа самостоятельно не перечисляются, потому что они совпадают с такими же категориями модели Маркса. Становится совершенно очевидным, что эмпирические категории Дарендорфа очень сильно отличаются от эмпирических категорий Маркса. Однако форма анализа во многом остается той же самой, так как каждый из них полагает, что вопросы эмпирических условий социальной организации, того, как эта организация превращается в отношении господства и подчинения и создает противоположность интересов, не являются проблематичными и не нуждаются в причинном анализе. Согласно Марксу, и Дарендорфу, причинный анализ начинается с разработки условий, которые приводят к росту классового сознания (Маркс) или к осознанию квазигруппами своих объективных интересов (Дарендорф); затем анализ переключается на создание политизированного класса "для себя" (Маркс) или подлинной "конфликтной группы" (Дарендорф); наконец, особое внимание обращается на возникновение конфликта между поляризованными политизированными классами (Маркс) или конфликтными группами (Дарендорф).

* Необходимо заметить, в противоположность точке зрения Дж. Тернера, что в антагонистическом классовом обществе сами «отношения господства и подчинения», равно как и «противоположность интересов», производны от отношений к собственности, порождающих эксплуатацию человека человеком. — *Прим. ред.*

** См. по этому поводу примечание редактора на с. 126 и 127 и вступительную статью к книге.— *Прим. ред.*

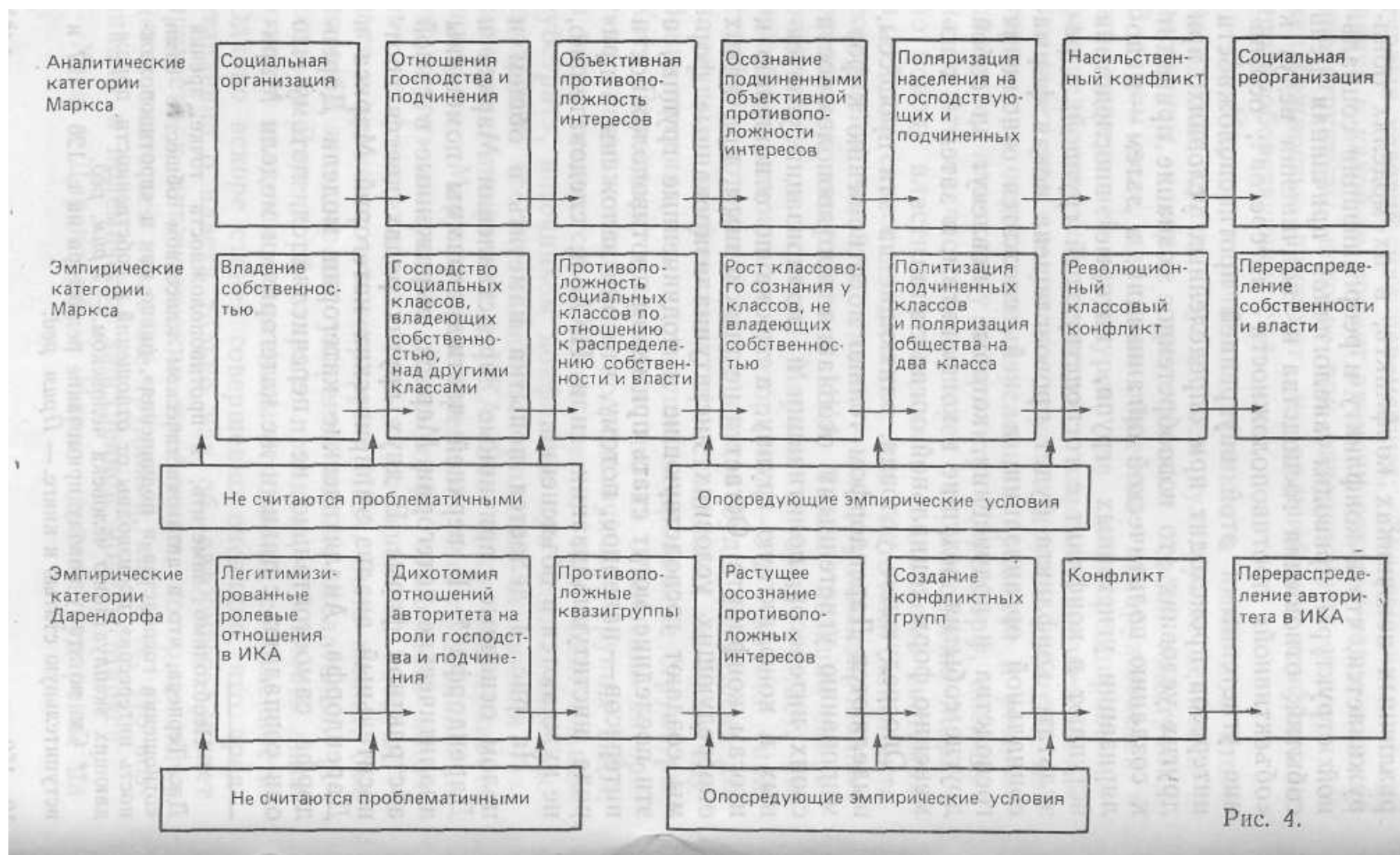

Рис. 4.

Критика модели диалектического конфликта

Проблемы причинного анализа

Самая заметная критика причинных представлений Дарендорфа исходит от Петра Вейнгардта, который доказывал, что, отклоняясь от Марксовой концепции "внутренней структуры" противоположных интересов, находящейся в основании культурный и институциональных надстроек, созданных правящими классами, Дарендорф расплачивается за это тем, что теряет возможность выполнить подлинно причинный анализ конфликта и, следовательно, выяснить, каким образом изменяются формы социальной организации. Эта критика ставит вопросы, напоминающие о сходстве функционализма Дарендорфа и Парсонса: неужели конфликт возникает из легитимизированных отношений авторитета между различными ролями в ИКА? Неужели та же самая структура, которая создает интеграцию, производит и конфликт? Хотя схема Маркса сталкивается с эмпирическими проблемами, причинный анализ не ставит перед ней аналитических проблем, так как источник конфликта – противоположность экономических интересов – четко отделяется от институциональных и культурных учреждений, поддерживающих временный порядок" -социетальную надстройку. Дарендорф, однако, затушевывает это различие и, таким образом, попадает в ту же самую аналитическую западню, которую он приписывал функциональной теории: изменение, вызывающее Конфликт, таинственным образом должно возникать из легитимизированных отношений в социальной системе. Пытаясь избежать этой аналитической ловушки, Дарендорф часто делает свой причинный анализ весьма запутанным. Единственная задача, которую пытается решить Дарендорф, состоит в том, чтобы доказать, что многие роли имеют также и дезинтегрирующий аспект, потому что они олицетворяют противоположность интересов тех, кто их исполняет. Эта противоположность интересов отражается в конфликте ролей, который, по-видимому, сводит все спорные вопросы ролевой напряженности и конфликта к дилеммам, создаваемым объективной противоположностью интересов, — что, конечно, является весьма сомнительным утверждением, справедливым лишь для определенного периода времени. Уравнивая интересы и ролевые экспектации (ожидания) , Дарендорф, по-видимому, должен был бы предположить, что все институционализированные образцы, или ИКА, обнаруживают два противоположных ряда ролевых экспектации — либо подчиняться, либо возмущаться, а «актеры» должны «решать» сами, каким экспектациям они будут

следовать. По-видимому, актеры «хотят» понять свои «объективные интересы» и, следовательно, восстают против ролевых экспектации, возлагаемых на них господствующей группой. Эта задача заставляет модель Дарендорфа сводить происхождение конфликта к желаниям, воле и чувствам отдельного человека или группы⁶ — редукционистский императив, который Дарендорф наверняка бы отверг, если бы он не был столь очевидно продиктован его собственными причинными представлениями.

Многие из этих проблем можно было бы преодолеть, если бы Дарендорф обеспечил ряд суждений существования и отношений, которые показали бы, при каких условиях легитимизированные отношения ролей в ИКА создают дихотомическое разделение отношений авторитета на отношения господства и подчинения. Просто допустить, что дело обстоит именно так, — значит уклониться в своей аналитической схеме от критической причинной цепи. Необходимые предложения такого рода, или, как их оценивает Дарендорф, «опосредующие эмпирические условия», являются необходимой⁷ частью модели, потому что без них остается непонятным, как впервые возникают различные типы авторитета, насилия и угнетения, которые затем приводят к конфликту. Допустить, что они возникают непосредственно из социальной структуры или являются ее составной частью, — значит отказаться от постановки важного в теоретическом отношении вопроса о том, какие типы авторитета и в каких типах ИКА приводят к таким-то и таким-то типам господства и подчинения, которые в свою очередь ведут к различным типам противоположных интересов и конфликтов⁷. Таков круг явлений, который следует концептуализировать в качестве переменных и включить в причинные цепи диалектической модели конфликта. Если снова обратиться к рис. 4, то эта задача повлекла бы за собой необходимость сформулировать «опосредующие эмпирические условия» на всех стыках всех эмпирических категорий Дарендорфа. То, что теперь считается «непроблематичным», стало бы таким же проблематичным, как и последующие эмпирические условия.

Трудно поставить перед собой такую задачу, но это позволило бы Дарендорфу отчасти избежать следующих наиболее типичных критических упреков в адрес своих причинных представлений⁸: 1) не только конфликт вызывает изменение социальной структуры, но и изменения структуры служат причиной конфликта (при условиях, которые требуется определить); 2) конфликт не всегда приводит к изменениям (а лишь при некоторых условиях, которые требуется определить гораздо детальнее, чем это сделано в исходном исследовании Зиммеля); 3) конфликт может задержать изменения (и вновь требуется определить, при каких

условиях). Если эти условия просто входят в состав причинных представлений, то теория конфликта просто фиксирует довольно очевидный факт — то, что изменения происходят, — и не Дает ответа на вопросы теоретического характера — *почему, когда и где* они происходят.

Несмотря на неопределенность своего причинного анализа, Дарендорф все же систематически пытается выяснить, какие «опосредующие эмпирические условия» вызывают превращение «квазигрупп» в «конфликтные группы», а также какие условия влияют на остроту конфликта (причастность к нему членов группы), его насильственный характер (степень регуляции), степень и темп структурных изменений, вызванных конфликтом. Если выражаться более формализованно, Дарендорф выделяет три типа опосредующих эмпирических условий: 1) «условия организации», которые влияют на трансформацию латентных квазигрупп в явные конфликтные группы; 2) «условия конфликта», которые определяют форму и остроту конфликта; 3) «условия структурных изменений», которые оказывают влияние на характер, темпы и глубину изменений социальной структуры⁹.

Таким образом, в теоретической схеме получили явное признание следующие переменные: 1) степень сформированности конфликтных групп, 2) степень остроты конфликта, 3) степень его насильственности, 4) степень изменения социальной структуры, 5) темпы подобных изменений. Для тех критических замечаний, которые будут приведены ниже, большое значение имеет следующее обстоятельство: такие понятия, как, например, «ИКА», «законность», «авторитет», «насилие», «господство» и «подчинение», не определены *эксплицитно*, как переменные, для которых требуется оговорить, какие условия влияют на их изменения. Скорее эти понятия либо просто определяются, а потом и связываются друг с другом с точки зрения частичного совпадения их определений, либо излагаются в виде допущений относительно природы социальной реальности.

По отношению к тем явлениям, которые концептуализируются в качестве переменных, высказывания Дарендорфа¹⁰, по-видимому, являются разработкой* высказываний, развиваемых Марксом (см. табл. 1), как это видно из табл. 5.

Эти высказывания по своему содержанию и форме исходят из наследия Маркса и с точки зрения эксплицитности представляют собой значительное усовершенствование по сравнению с функциональными формулировками, в которых бросается в глаза отсутствие систематической взаимосвязи предложений. Кроме того, в заслугу Дарендорфу можно поставить его попытки действительно придать своим высказываниям систематическую форму (в разумных пределах) — трудная задача,

которую не слишком часто удавалось выполнить социологам-теоретикам. Однако даже несмотря на то, что эта инвентаризация предложений представляет собой весьма многообещающую попытку, против этой схемы был выдвинут ряд критических замечаний, обзор которых следует здесь привести с тем, чтобы учесть предлагаемые ими усовершенствования.

* Ни о какой разработке Дарендорфом положений Маркса не может в действительности идти речь. Дарендорф — буржуазный социолог, противник марксизма, и если он чисто внешне, вербально в чем-то следует терминологии марксизма, то лишь с одной целью — исказить его, противостоять влиянию идей марксизма-ленинизма в современном мире и выполнить тем самым социальный заказ, данный Дарендорфу классом, представителем которого он является. — *Прим. ред.*

Таблица 5 ПОЛОЖЕНИЯ СХЕМЫ ДАРЕНДОРФА

I. Чем больше члены квазигрупп в ИКА могут осознать свои объективные интересы и образовать конфликтную группу, с тем большей вероятностью произойдет конфликт.

A. Чем больше будет собрано «технических» условий организации, тем вероятнее образование конфликтной группы.

1. Чем больше в квазигруппах будет создано руководящих кадров, тем вероятнее, что образуются все «технические» условия организации.

2. Чем более кодифицирована идея системы, или хартия, тем вероятнее, что сложатся все «технические» условия организации.

Б. Чем шире будет круг «политических» условий организации, тем вероятнее, что образуется конфликтная группа.

1. Чем больше господствующие группы разрешают организацию противоположных им интересов, тем выше вероятность того, что будут собраны все «политические» условия организации.

В. Чем больше можно собрать «социальных» условий организации, тем выше вероятность образования конфликтных групп.

1. Чем больше у членов квазигрупп возможностей общаться друг с другом, тем больше вероятность того, что сложатся все

«социальные» условия организации.

2. Чем больше новых членов могут иметь структурные образования (например, родство), тем выше вероятность того, что сложатся все «социальные» условия организации.

П. Чем больше соберется «технических», «политических» и «социальных» условий организации, тем острее конфликт.

III. Чем больше распределение авторитета связано с распределением других вознаграждений (наложение), тем острее конфликт.

IV. Чем меньше мобильность между господствующими и подчиненными группами, тем острее конфликт.

V. Чем меньше складывается «технических», «политических» и «социальных» условий организации, тем более насильственный характер приобретает конфликт.

VI. Чем больше обнищание угнетенных, связанных с распределением вознаграждений, переключается с абсолютного базиса на относительный, тем более насильственным является конфликт.

VII. Чем меньше конфликтные группы способны приходить к соглашениям, тем более насильственным является конфликт.

VIII. Чем острее конфликт, тем больше он вызовет структурных изменений и реорганизаций.

IX. Чем более насильственным является конфликт, тем выше темпы структурных изменений и реорганизаций.

Одним из самых очевидных недостатков развиваемого Дарендорфом направления является неудача всех его попыток представить основные понятия в качестве *переменных*. В этом отношении наибольшее внимание обращают на себя понятия авторитета, господства — подчинения и интереса. Так как конфликт в конечном итоге возникает из легитимизации отношений авторитета, то довольно удивительно, что это понятие не считается таким переменным, минимальное значение которого изменяется благодаря изменениям таких свойств, как острота, размах и узаконенность. Дарендорф, скорее, предпочитает уклониться от этой проблемы:

«В этом исследовании мы даже не будем пытаться создать типологию авторитета. Однако здесь повсеместно допускается, что существование господства и подчинения — это общая черта всех возможных типов авторитета и всех

возможных типов ассоциации и организации»¹¹.

Типология авторитета могла бы дать некоторые указания относительно изменения состояний авторитета и связанных с ним понятий — обстоятельство, которое Дарендорф, по-видимому, предпочитает игнорировать, просто доказывая, что всякий авторитет подразумевает господство и подчинение, которые в свою очередь придают ему дихотомическую структуру, необходимую для его диалектической теории конфликта интересов. Он отказывается размышлять над тем, в *каких типах* авторитета можно обнаружить, что такие-то и такие-то состояния *переменных* приводят к таким-то и таким-то *типам изменений* господства и подчинения, которые в свою очередь служат причиной того, что такие-то *переменные типы* противоположных интересов приводят к таким-то *переменным типам* конфликтных групп. Таким образом, только при помощи допущений и определений Дарендорф связывает между собой основные переменные, которые находятся в причинной зависимости друг от друга, так же, как и от других величин, которые в его схеме эксплицитно являются переменными: степень конфликта, степень остроты конфликта, степень его насильственности, степень и темпы изменений. На самом же деле очень вероятно, что именно эти, не выраженные в виде переменных свойства — авторитет, господство, интересы — оказывают не менее серьезное влияние на такие эксплицитно сформулированные в его схеме переменные, как «опосредующие эмпирические условия», которые Дарендорф предпочитает выделить особо. Кроме того, как отмечалось выше, понятия авторитета, господства — подчинения и интересов, если рассматривать их в качестве переменных, требуют своих собственных «опосредующих эмпирических условий». В свою очередь эти условия могут иметь влияние на иные, следующие за ними условия, подобно тому как «условия организации», согласно схеме, влияют на последующую остроту и насильственный характер конфликта.

Невнимание к этим вопросам очень сильно снижает предсказательную ценность модели Дарендорфа; более того, оно в значительной мере превращает его модель в тавтологию. Оказывается, появление конфликтных групп следует из определения ИКА как дихотомических структур авторитета, образованных противоположностью интересов. Эту тавтологию легче переносить благодаря тому, что Дарендорф вводит понятие квазигрупп (членов ИКА), еще не осознавших своих истинных интересов), которые при определенных «условиях организации» приводят к образованию настоящих конфликтных групп. Однако введение этого подразделения просто затягивает решение вопроса о том, как возникли противоположные квазигруппы — вопроса, на

который Дарендорф должен был бы ответить так: по определению, с помощью допущений. Вместо этого он предпочитает следующий ответ: «Что касается... суждения, то я полагаю, что суждение относительно дихотомии положений авторитета в императивно координированных ассоциациях не является ни допущением, ни эмпирической гипотезой, но аналитическим суждением». Однако именно «аналитический характер суждения» в этом контексте остается неясным, хотя, по-видимому, эти слова позволяют избежать вывода о том, что большая часть всех его высказываний по поводу образования конфликтных групп — не более чем новая формулировка его определений и допущений, относящихся к ИКА и обществу.

Эти критические замечания наводят на совершенно очевидное решение — концептуализировать в качестве переменных явлений ИКА законность, авторитет, господство — подчинение и интересы и попытаться сформулировать «опосредующие эмпирические условия», влияющие на их изменения. Расширяя таким образом перечень положений, можно было бы свести до минимума неопределенность причинных представлений и сделать специальные суждения менее тавтологичными. Подобная перестройка позволила бы также отсечь довольно широкий круг диалектических допущений (которые вряд ли изоморфны всей реальности) и обратиться к теоретическому (а отнюдь не философскому) вопросу: при каких условиях ИКА создают легитимизированные отношения авторитета, которые производят четкие отношения господства и подчинения, ведущие к резкой противоположности интересов? Вместе с предварительным ответом Дарендорфа на следующий вопрос: при каких условиях возникают конфликтные группы и какие конфликты и изменения они вызывают? — эти дополнительные высказывания, а также высказывания, имеющие форму обратных им предложений, обеспечили бы серьезный теоретический прогресс в решении конечного теоретического вопроса — «как и почему возможно общество».

Методологические проблемы

Дарендорф, как это явствует из его анализа классовых конфликтов в индустриальном обществе, озабочен тем, чтобы обеспечить формальные определения главных понятий и наметить операциональное решение вопроса об их применении в конкретных эмпирических ситуациях¹². Кроме того, включение по крайней мере *нескольких* понятий в эксплицитный перечень предложений (хотя и неполный) приводит к тому, что схема, по-видимому, начинает легче поддаваться проверке и

опровержению.

Однако остается ряд методологических проблем, одна из которых связана с тем, что этим понятиям даны чрезмерно общие определения. Несмотря на то что эти определения формализованы, они зачастую носят настолько общий характер, что их можно применять *ad hoc* и *ex post facto*, притом к таким разнообразным явлениям, что в их непосредственной полезности для создания и проверки теории можно усомниться. Например, власть, законность, авторитет, интересы, господство, даже конфликт определены настолько широко, что примеры, подтверждающие эти понятия, можно обнаружить почти в любой эмпирической ситуации, какую захочет выбрать Дарендорф, — стратегия, которая обеспечивает подтверждение его допущений относительно общественной жизни, но препятствует эмпирическому исследованию этих допущений. Выше этой проблеме уже придавалось особое значение, причем при ее обсуждении отмечалось, что Дарендорф, по-видимому, неохотно рассматривает в качестве переменных свои основные понятия, как, например, авторитет и господство. Если бы эти понятия были концептуализированы таким образом, исследователям было бы легче «иметь с ними дело» эмпирически, поскольку суждения, определяющие их переменные состояния, более точно устанавливали бы, какие явления обозначены этими понятиями. Дарендорф редко оказывает эту услугу, предпочитая уклоняться от всяких типологий; и даже в тех случаях, когда понятия определяются им как переменные, Дарендорф избегает этого вопроса при помощи таких вот утверждений: «Острота конфликта варьирует в определенной шкале (от 0 до 1)». Если к этому высказыванию добавить формальное определение остроты конфликта как «затрат энергии и степени вовлеченности в конфликт конфликтующих сторон», то исследователи-эмпирики получают несколько операциональных указаний относительно того, как можно измерять такое понятие. Если бы эти определения были хотя бы в минимальной степени дополнены несколькими примерами наиболее важных точек на шкале от «0 до 1», то понятия и предложения этой схемы легче было бы подвергнуть эмпирическому исследованию. Но судя по тому, как даются определения в настоящее время, Дарендорф делает то же самое, за что он так резко критиковал Парсонса: он применяет понятия *ad hoc* и *ex post facto* с тем, чтобы дать такую интерпретацию прошлых событий, которая подтвердила бы всю схему в целом. Чем больше внимания уделил бы Дарендорф тому, чтобы обеспечить операциональные определения, которые *a priori* сообщили бы понятиям, входящим в состав предложений, способность предсказывать будущие события, тем плодотворнее была бы вся его

теоретическая инициатива.

Другая методологическая проблема, связанная с этой схемой, возникает из-за тавтологического характера всего теоретического направления в целом. В той мере, в какой предложения схемы истинны больше по определению, чем по выведению, в той же мере вся теоретическая схема является неопровержимой — даже в принципе — и, следовательно, приносит мало пользы созданию научной теории. До тех пор пока дихотомическое разделение отношений авторитета на господство и подчинение, приводящее к объективной противоположности интересов, входит в состав определения социальной действительности, до тех пор трудно усмотреть, из чего следует образование конфликтных групп и возникновение открытого конфликта, если не из их определения — и это несмотря на то, что существуют специальные наукообразные предложения относительно «опосредующих эмпирических условий», которые «вызывают» появление подобных конфликтов. Как уже было замечено выше, эта опасность тавтологии может быть скорректирована, если центральные понятия, как, например, «законность», «авторитет», «господство — подчинение» и «интересы», будут концептуализированы в качестве переменных, причем будет подготовлен пробный перечень «опосредующих эмпирических условий», влияющих на их изменения.

В общем, схема Дарендорфа ставит перед исследователями-эмпириками ряд проблем. Нечто подобное можно сказать о большинстве теоретических направлений в социологии; само по себе это еще не самое серьезное обвинение. Однако в схеме Дарендорфа эти методологические проблемы, оказывается, могут быть сведены до минимума при помощи самых незначительных добавочных усилий. Вероятно, по мере того, как будут производиться эти исправления, направление диалектического конфликта предложит плодотворный стратегический план создания социологической теории.

От утопии — но куда? Заключительный комментарий

Как подчеркивалось в начале этой главы, Дарендорф, уподобляя функциональное теоретизирование идеологической утопии, тем самым стал одним из самых суровых его критиков. Для того чтобы указать социологическому теоретизированию выход «из утопии», Дарендорф счел необходимым изобразить схему диалектического конфликта, которая, по-видимому, точнее

отражает «реальный характер» социальной действительности по сравнению с функционализмом Парсонса. Поступая таким образом, Дарендорф считал, что его теоретическое и стратегическое направление обеспечит более адекватный круг теоретических ориентиров, позволяющих решить поставленную Гоббсом проблему порядка: как и почему возможно общество? При каких условиях наиболее вероятно возникновение, сохранение и смена различных образцов организации?

В «решении» Дарендорфом «проблемы порядка» особенно любопытно следующее обстоятельство: оно очень похоже на то решение, которое он вменял в вину функционализму Парсонса¹³. Например, ряд комментаторов¹⁴ заметили, что и Парсонс, и Дарендорф рассматривают социальную действительность на языке институционализированных образцов: для Парсонса это «социальные системы», для Дарендорфа — «императивно координированные ассоциации». Оба они считают, что общество состоит из подсистем, связанных с организацией ролей с точки зрения легитимизированных нормативных предписаний. Согласно Дарендорфу, эти легитимизированные нормативные образцы отражают различия в распределении власти в системе; и несмотря на всю его риторику по поводу «насильственной» природы этих отношений, это представление о власти удивительно похоже на парсонсовскую концепцию власти как узаконенного права некоторых ролей статуса регулировать экспектации, имеющиеся у других статусов¹⁵. Более того, согласно модели Дарендорфа, всякое отклонение от установленных ими норм вызовет попытки господствующих групп применять негативные санкции — позиция, очень близкая точке зрения Парсонса, согласно которой власть существует для того, чтобы корректировать отклонения внутри системы¹⁶.

Очевидное различие между Дарендорфом и Парсонсом в понимании «функций» власти в «социальных системах» (или ИКА) состоит в том, что Дарендорф эксплицитно показывает, каким образом различия в распределении власти вызывают *и* интеграцию (благодаря легитимизированным отношениям авторитета), *и* дезинтеграцию (благодаря устойчивости противоположных интересов). Однако говорить о том, что конфликт вспыхивает на почве легитимизированного авторитета, — значит всего лишь априорно утверждать, что противоположность интересов существует и вызывает конфликт. Возникновение конфликта выводится из весьма неясных допущений относительно таких процессов, как «внутренняя диалектика власти и авторитета» и «историческая функция авторитета»¹⁷, а не из скрупулезно доказанных причин и следствий. Таким образом, в собственной модели Дарендорфа генезис конфликта остается столь же необъяснимым, как и в функциональной утопии, которую

он изображает как неадекватную — и прежде всего потому, что конфликт возникает на фоне не получивших своего объяснения концепций «системных» норм и легитимизированного авторитета¹⁸.

Возможно, проблемы, возникающие у Дарендорфа при объяснении того, почему и как возникают на основе структуры легитимизированного авторитета конфликтные группы, отчасти отражают наличие глубоко спрятанных допущений относительно «функциональных реквизитов». Он деликатно и вместе с тем настойчиво допускает, что авторитет — это функциональный реквизит, необходимый для интеграции системы, а конфликт, который каким-то образом возникает из отношений авторитета, — это функциональный реквизит, необходимый для социальных изменений. «Цель и результаты», или «историческая функция авторитета», состоят в том, чтобы породить конфликты и, вероятно, поддерживать тем самым жизненность социальных систем. Благодаря этому понятию реквизита, необходимого для изменений, очень легко утверждать, что конфликт существует для того, чтобы удовлетворять «потребности» системы в изменениях, — незаконная телеология.

Однако в более фундаментальном плане неспособность Дарендорфа объяснить, как возникают конфликты и изменения, проистекает из его неумения серьезно взяться за проблему порядка: как и почему возможна организация ИКА? Утверждать, что они организованы за счет власти и авторитета, — значит полностью снять вопрос о том, как, почему и при помощи чего в институционализированных образцах возникают процессы, порождающие одновременно и интеграцию, и конфликты. Выполненный Парсонсом анализ пытается (хотя и неадекватно) объяснить возникновение организации институционализированных образцов, или «социальных систем», следующим образом: благодаря тому, что «актеры» согласовывают между собой различные ориентации, возникают нормативные предписания, которые влекут за собой организацию действия; подобная организация поддерживается при помощи разнообразных механизмов социального контроля — межличностных санкций, ритуалов, предохранительных структур, обособления ролей, а в некоторых случаях — и власти, а также при помощи механизмов социализации — инте-риоризации релевантных ценностей и приобретения критических межличностных навыков. Из-за своей приверженности к созданию «систем понятий» вместо системы предложений Парсонс, конечно, дает лишь неясные указания относительно переменных, связанных с процессом институционализации, благодаря которому возникают определенные типы противоположных интересов, что в свою очередь приводит к организации конфликтных групп и социальным

переменам. Однако Парсонс по крайней мере пытается (хотя и неадекватно) концептуализировать переменные, связанные с созданием и сохранением того самого социального порядка, который Дарендорф совершенно замалчивает в своей формулировке понятия ИКА. Однако он полагает, что именно на основе институционализированных отношений в ИКА возникают вызванные конфликтом циклы изменений. Утверждать, как это любит делать Дарендорф, что он указывает выход из утопии, еще не значит избавиться от фундаментального теоретического вопроса, с которым сталкивается социологическая теория: как возможно общество во всех своих разнообразных и изменчивых формах?

В общем, критики пришли к выводу о том, что риторическое применение Дарендорфом таких понятий, как «насилие», «диалектика», «господство и подчинение» и «конфликт», должно было замаскировать представление о социальной действительности, близкое утопическим представлениям, которые он ставил в вину работам Парсонса: в ИКА Дарендорфа замаскирована «социальная система» Парсонса; его понятия роли и авторитета имеют прямое отношение к социальному контролю Парсонса; в его изображении конфликта происхождение конфликта остается таким же неясным, каким оно, по его предположениям, является в работах Парсонса; а в анализе социальных изменений даже считается, что конфликт удовлетворяет функциональную потребность в переменах (что очень напоминает Парсонса). На основе всех этих фактов можно сделать окончательный вывод: на пути, ведущем прочь от утопии, достигнут весьма незначительный прогресс.

ГЛАВА 7

Конфликтный функционализм: Льюис Козер

В то время как критические замечания в адрес функционализма начинают все больше походить друг на друга (критики бранят Парсонса и всех остальных функционалистов за то, что те считают общество полностью институционализированным и находящимся в состоянии равновесия), конфликтные схемы, предложенные в качестве альтернативы, обнаруживают большое разнообразие. Расхождения в теории конфликта становятся особенно заметными, если сравнить конфликтный функционализм Льюиса Козера с направлением диалектического конфликта Ральфа Дарендорфа. Хотя Козер постоянно подвергал критике

парсонсовский функционализм за то, что тот не обращался к проблеме конфликта, он не менее резко критиковал и Дарендорфа — за то, что тот не придавал должного значения позитивным функциям конфликта, необходимого для сохранения социальных систем. Эти обвинения, идущие в двух направлениях, позволили Козеру сформулировать теоретическую схему, которая может быть дополнена как функциональным теоретизированием, так и диалектической теорией конфликта.

Свою первую большую работу, посвященную конфликту¹, Козер начал с такого полемического выпада против функционализма, который впоследствии стал типичным: конфликту уделяется слишком мало внимания, причем связанные с ним явления, например отклонения и разногласия, слишком легко принимаются за «патологические изменения» равновесного состояния социальной системы. Будучи заинтересованным только в том, чтобы наметить систему понятий, обозначающих, каким образом процесс институционализации решает «проблему порядка», Парсоне в своих работах по формальному анализу стал недооценивать конфликт, по-видимому просто принимая его за «болезнь», для объяснения которой нужно обратиться к механизмам «социального организма»². От этой интерпретации функционализма Парсонса уже не составляло особой сложности перейти к заявлениям о том, что для уравнивания предполагаемой односторонности парсонсовского функционализма требуется другая разновидность одностороннего анализа, концентрирующая свое внимание на явлениях конфликта. По-видимому, осуществление этой аналитической компенсации должно было растянуться более чем на десятилетие, так как в десятую годовщину своей первой полемической работы Козер счел необходимым повторить свое раннее заявление о том, что настало время, чтобы уделять конфликту все больше внимания»³.

Несмотря на то, что Козер, подобно Дарендорфу, постоянно утверждал, что функциональное теоретизирование «слишком часто пренебрегало измерениями власти и интереса»⁴, он не обратил внимания — ни вслед за Марксом, ни вслед за Дарендорфом — на разрушительные последствия насильственного конфликта*. Напротив, он стремился скорректировать то, что считал аналитическими издержками Дарендорфа, в первую очередь подчеркивая интегративные и «адаптивные» функции конфликта в социальных системах. Таким образом, в результате Козер сумел оправдать и свои усилия по критике функционализма за его игнорирование конфликта, и свои усилия по критике теории конфликта за ее недооценку функций конфликта. Тем самым Козер подготовил несколько необычное «решение» проблемы порядка, ибо он считал (совсем в духе

Георга Зиммеля), что даже открытый конфликт при определенных условиях содействует сохранению жизненности и устойчивости институционализированных образцов социальной организации⁵.

* Согласно марксизму-ленинизму, в противоположность представлению Тернера, насилие в революционном конфликте, осуществляемое прогрессивными силами во главе с рабочим классом, играет великую созидательную роль — рождает новое общество. — *Прим. ред,*

Образы социальной организации

Любопытно следующее обстоятельство: учитывая, что именно Эмиля Дюркгейма можно до некоторой степени считать одним из родоначальников функционализма, Козер посвятил созданной Дюркгеймом картине социальной организации критический очерк⁶. Он считает (и в этом заключается наиболее характерная особенность очерка), что Дюркгейм при изучении общества придерживается консервативной ориентации, которая «мешает ему должным образом осознать многообразие социальных процессов, самым заметным из которых является социальный конфликт». Более того, этот предполагаемый консерватизм вынуждает Дюркгейма рассматривать кризисы, например насилие и разногласия, в качестве патологических отклонений от социального равновесия, а не в качестве возможностей, позволяющих осуществить конструктивные социальные перемены. Несмотря на то, что Козер, по-видимому, настойчиво стремился опровергнуть органицизм социологии Дюркгейма, его собственная работа полна органицистических аналогий. Например, оценивая «функции насилия»⁷, Козер уподобляет насилие телесной боли, поскольку они оба могут служить сигналом, предупреждающим об опасности, который позволяет «социальному организму» осуществить свою саморегуляцию. Если взять другой пример, то в своем анализе «функции разногласий» Козер отказывается от представлений о том, что разногласия можно объяснить с точки зрения «болезни» отдельного человека, и допускает, что «разногласия гораздо легче объяснить в качестве реакции на то, что воспринимается как болезнь социального организма»⁸. Эта форма аналогии не обязательно умаляет силу анализа Козера, однако она свидетельствует о том, что он не отказался от органицизма. По-видимому, Козер счел необходимым подвергнуть критике органицизм Дюркгейма потому, что он не

позволял исследовать конфликт в качестве такого процесса, который может содействовать дальнейшей адаптации и интеграции «социального организма»⁹.

Вскрыв аналитические неувязки применяемого Дюркгеймом метода аналогий, Козер был вынужден принять органицизм Георга Зиммеля (см. гл. 5). Отныне конфликт стало возможным рассматривать как процесс, который при определенных условиях может «функционировать», чтобы сохранить «социальный организм» или какие-нибудь жизненно важные для него части. С этих удобных позиций Козер создал свой образ общества, в котором он подчеркнул следующее:

1. Социальный мир можно рассматривать как систему различным образом взаимосвязанных частей.
2. В любой социальной системе различным образом взаимосвязанных частей обнаруживаются отсутствие равновесия, напряженность, конфликтные интересы.
3. Процессы, протекающие в составных частях системы и между «ими, при определенных условиях содействуют сохранению, изменению, возрастанию или уменьшению интеграции и «адаптивности» системы.
4. Можно также представить себе, что многие процессы, которые, как обычно считается, разрушают систему (например, насилие, разногласия, отклонения и конфликты), при определенных условиях укрепляют основы интеграции системы, а также ее «приспособляемость» к окружающим условиям.

Именно на основе этих допущений Козер развил довольно широкий круг тезисов относительно функций (а в некоторой, весьма ограниченной степени и относительно дисфункций) конфликта в социальных системах. Несмотря на то что Козер предлагает несколько суждений относительно условий, при которых конфликт приводит к разрушению и дезинтеграции социальных систем, все же острие его анализа направлено на выделение причинных цепей, которые отвечают за то, каким образом конфликт сохраняет или восстанавливает интеграцию системы и ее приспособляемость к меняющимся условиям. Эти предоставления позволяют обнаружить устойчивые ряды причинных зависимостей: 1) нарушение интеграции составных частей социального целого 2) приводит к вспышкам самых разнообразных конфликтов между составными частями, что, в свою очередь 3) вызывает временную дезинтеграцию целостной системы; при определенных условиях это 4) делает социальную структуру более гибкой, что в свою очередь 5) усиливает способность системы избавляться при помощи конфликта от грозящих ей в

будущем нарушений равновесия, а это приводит к тому, что б) система обнаруживает высокий уровень приспособляемости к изменяющимся условиям.

Эти причинные представления сталкиваются с рядом совершенно очевидных проблем, самой серьезной из которых является то обстоятельство, что в них, как и в функциональном императивизме Парсонса, процессы, протекающие в системе, слишком часто рассматриваются только с точки зрения их вклада в интеграцию и адаптацию системы. Такое акцентирование позитивных функций конфликта помогает обнаружить глубоко запрятанные допущения относительно того, что с «потребностями» системы можно познакомиться только через посредство функций конфликта. Хотя Козер старательно подчеркивает, что он просто исправляет равнодушие исследователей к позитивным функциям конфликта, эта стратегия восстановления аналитического равновесия имеет весьма сомнительную ценность, поскольку она приводит к той самой аналитической односторонности, которую автор стремится исправить. Возможно, гораздо большей мудростью отличалась бы такая стратегия, которая создала бы упорядоченные предложения относительно конфликтных процессов *per se*, ибо само по себе это уже предоставляло бы грозное усовершенствование всех попыток современных теоретиков исправить все те отклонения, которые ставятся в вину аналитическим схемам их заблуждающихся коллег¹⁰.

Несмотря на эти недостатки, созданный Козером образ социальной организации получил свое выражение в ряде многообещающих предложений относительно функций конфликта в социальных системах. В таком виде схема вносит гораздо большую ясность, чем в том случае, если бы она была изложена в виде кластера допущений и причинных образов. Будучи равной им по своему значению, схема становится более проверяемой и лучше поддающейся переформулировке на основе эмпирических открытий.

Высказывания по поводу конфликтных процессов

Используя и содержание, и стиль стимулирующего анализа Георга Зиммеля, Козер расширил сферу первоначальных исследований Зиммеля, включая в современную литературу по проблеме конфликта положения, исходящие не только от

Маркса, но и из других источников. Хотя в схеме Козера обнаруживается множество проблем, возникающих из-за того, что его интересуют в первую очередь функции конфликта, конфликтное направление Козера все же остается одним из наиболее всеобъемлющих. Его всеобщий характер проявляется в том, что тезисы схемы охватывают широкий круг переменных явлений: 1) причины конфликта; 2) остроту конфликта; 3) длительность конфликта, 4) функции конфликта. Под каждую из этих рубрик в суждения отношений, связывающие абстрактные понятия, включаются самые разнообразные специфические переменные.

Единственный упрек, который можно сделать в адрес составленного Козером перечня предложений, состоит в том, что в отличие от попыток Дарендорфа он не был представлен в систематической или упорядоченной форме. Скорее эти высказывания появляются в целом ряде описательных очерков, посвященных наиболее существенным вопросам, а также в его анализе очерка Зиммеля по проблеме конфликта. В то время как каждое его отдельное положение обычно бывает изложено абсолютно ясно, точные взаимосвязи между различными предложениями зачастую нуждаются в интерпретации, причем возникает некоторая опасность неправильного истолкования. Это обстоятельство превращает все попытки представить в систематической форме предложения Козера в такие упражнения *ad hoc*, которые не только отрывают предложения от их содержательного контекста, но и не позволяют избежать опасности неправильно интерпретировать имевшийся в виду смысл некоторых предложений. Однако груз систематических представлений все же, по-видимому, довлеет над любым теоретиком; таким образом, неверная интерпретация некоторых предложений теми комментаторами, которые хотят рассматривать взаимосвязи между абстрактными теоретическими суждениями и приступить тем самым к построению истинной теории, должна приниматься теми, кто предпочел бы не делать этого сам¹¹.

Причины конфликта

Как показано в табл. 6, Козер считает, что причины конфликта в конечном итоге коренятся в таких условиях, когда ныне существующей системе распределения начинают отказывать в законности, когда налицо интенсивное обнищание (табл. 6, предложения 1 и 2). Отказ в законности в свою очередь рассматривается в качестве результата действия социальных

структурных переменных, как, например, возможности открыто выражать недовольство в пределах социальной системы, уровня минимальной взаимной лояльности, необходимой для существования социальной системы, и уровня допускаемой в системе мобильности, тогда как на интенсификацию обнищания, по его мнению, оказывает влияние весь контекст социализации и различные структурные ограничения, которые могут быть наложены на неимущие группы.

Таблица 6

ПРИЧИНЫ КОНФЛИКТА

I. Чем больше неимущие группы сомневаются в законности существующего распределения дефицитных ресурсов, тем вероятнее, что они должны будут разжечь конфликт⁸.

A. Чем меньше каналов, по которым группы могут излить свое недовольство по поводу распределения дефицитных ресурсов, тем более вероятно, что они должны усомниться в законности⁶.

1. Чем меньше в неимущих группах имеется организаций, между которыми распределяется эмоциональная энергия членов этих групп, тем более вероятно, что неимущие группы, не имеющие других поводов для жалоб, должны усомниться в законности⁸.

2. Чем больше личные лишения членов неимущих групп, не имеющих возможности излить свое недовольство, тем более вероятно, что они должны усомниться в законности.

B. Чем больше члены неимущих групп пытаются перейти в привилегированные группы, чем меньше допускаемая при этом мобильность, тем вероятнее, что они не станут придерживаться законности*.

II. Чем больше обнищание групп из абсолютного превращается в относительное, тем более вероятно, что эти группы станут зачинщиками конфликтов⁶.

A. Чем в меньшей степени социализация, испытываемая членами неимущих групп, порождает у них внутреннюю личную принужденность, тем более вероятно, что они должны испытывать относительное обнищание"¹.

Б. Чем меньше внешних принуждений испытывают члены неимущих групп, тем больше вероятность того, что они испытывают относительное обнищание³.

Козер определяет конфликты таким образом: это такое поведение, которое влечет за собой борьбу между противными сторонами из-за дефицитных ресурсов и включает в себя попытки нейтрализовать, причинить вред или устранить противника. (Coser. The Functions of Social Conflict, p. 8.) Этот же тезис повторяется и в других его работах: Social Conflict and the Theory of Social Change, p. 197—207; Internal Violence as a Mechanism for Conflict Resolution; Functions of Social Conflict, p. 37.

В то же время Козер стремится уклониться от определения условий, ведущих к нарушениям законности («Вопрос о том, какие факторы заставляют группу интересоваться проблемой законности системы распределения вознаграждений, лежит далеко за пределами настоящего исследования»), причем об этом говорится в его многочисленных статьях (так, эта цитата взята из «Социального конфликта и теория социальных изменений», с. 203; тезис же взят из «Сущности насилия»),

Этот перечень тезисов, совершенно очевидно, многим обязан Марксу, поскольку здесь считается, что источником конфликта служит неравенство в распределении вознаграждений и неудовлетворенность обездоленных таким распределением. У Маркса, по-видимому, заимствовано и особое внимание к структурным условиям (предложения 1-А, 1-А, 1,2), оказывающим влияние на возбуждение эмоциональной энергии неимущих групп, особенно по мере того, как абсолютное обнищание переходит в относительное (тезис II). В то же время Козер, как и Дарендорф, подчеркнул, что для снижения вероятности конфликта большое значение имеет социальная мобильность между господствующими и подчиненными группами. Кроме того, особое значение придается психологическим переменным, как, например, личным лишениям и угнетению личности, на которые оказывают свое влияние структурные силы и которые в свою очередь воздействуют на вероятность возникновения открытого конфликта.

Благодаря исследованиям Козера становится совершенно очевидным, что предложения, представленные в этом перечне, довольно туманны и нуждаются в дополнениях, заимствованных из других источников. Этот недостаток внимания к причинам конфликта, возможно, становится понятным в свете интеллектуальных заимствований Козера у Зиммеля, который мало что имел

сказать по поводу этой фазы конфликтных процессов. Тем не менее именно благодаря тому, что Козер многое заимствовал у Зиммеля и, кроме того, отдавал себе полный отчет в значении Маркса, его анализ остроты, длительности и функций конфликта стал гораздо более глубоким.

Острота конфликта

В тезисах, приведенных в табл. 7, Козер имеет в виду, что остроту конфликтных отношений в системе можно объяснить, если рассмотреть взаимосвязи между такими переменными, как, например, эмоции, вызванные у участников конфликта, жесткость социальной структуры, уровень реализма в конфликте, мера, в какой возникновение конфликта связано с наиболее существенными ценностями и проблемами, степень, в какой он может получить свое воплощение за пределами личных интересов. Хотя все эти переменные считались важными. Козер стремился подчеркнуть первенствующее значение первых двух ■— жесткости социальной структуры и вызванных конфликтом эмоций,— которые, по-видимому, определяют, будет ли конфликт объективированным, реалистическим, будет ли он вызван самыми существенными ценностями и проблемами.

Таблица 7

ОСТРОТА КОНФЛИКТА

- I. Чем больше осуществляется условий, вызывающих возникновение конфликта, тем он острее.
- II. Чем больше эмоций вызывает конфликт у тех, кто в нем участвует, тем острее сам конфликт⁶.
- A. Чем больше участников конфликта связывают первичные отношения, тем больше эмоций он у них вызывает.
 - 1. Чем меньше первичные группы, в которых происходит конфликт, тем сильнее его эмоциональный накал.
 - 2. Чем больше связи между участниками конфликта являются первичными, тем меньше вероятность открытого выражения враждебности, но тем сильнее она проявляется в конфликтной ситуации.
- Б. Чем больше вторичных связей между участниками конфликта, тем фрагментарнее их участие в нем, тем меньше они

вовлечены в него эмоционально.

1. Чем больше вторичных отношений, тем конфликты чаще, а их эмоциональный накал слабее.

2. Чем крупнее вторичные группы, тем конфликты чаще, а их эмоциональный накал слабее.

III. Чем более жесткой является социальная структура, тем меньше в ней будет институционализированных средств, позволяющих гасить конфликты и напряженность, тем острее будет конфликт,

A. Чем больше участников конфликта там, где он происходит, связывают первичные отношения, тем жестче структура.

1. Чем менее устойчивы первичные отношения, тем жестче их структура.

2. Чем более устойчивы первичные отношения, тем свободнее их структура.

Б. Чем больше вторичных (основывающихся на функциональных взаимосвязях) отношений между участниками конфликта там, где он происходит, тем вероятнее наличие институциональных средств, необходимых для того, чтобы погасить конфликт и снять напряженность, тем мягче конфликт.

В. Чем больше механизм управления системой, тем жестче ее структура и острее конфликт⁸.

IV. Чем больше группы, вовлеченные в конфликт, преследуют свои реалистические (объективные) интересы, тем мягче конфликт¹¹.

A. Чем больше группы, принимающие участие в конфликте, преследуют свои реалистические (объективные) интересы, тем выше вероятность того, что они попытаются найти компромиссные способы реализовать свои интересы.

1. Чем больше различия в распределении власти между группами, принимающими участие в конфликте, тем меньше вероятность того, что они попытаются отыскать альтернативные средства.

2. Чем более жесткой является система, в которой происходит конфликт, тем меньше в ней альтернативных средств-

V. Чем в большей мере группы конфликтуют из-за нереалистических спорных вопросов (ложных интересов), тем острее конфликт¹².

A. Чем в большей мере конфликт происходит из-за нереалистических проблем, тем сильнее эмоции его участников, тем острее конфликт.

1. Чем острее были предыдущие конфликты между данными группами, тем сильнее их эмоции по поводу последующих конфликтов⁸.

Б. Чем более жесткой является система, в которой происходит конфликт, тем выше вероятность того, что конфликт окажется нереалистическим^ж.

В. Чем дольше длится реалистический конфликт, тем больше возникает нереалистических спорных проблем³.

Г. Чем в большей мере возникновение конфликтных групп было обусловлено целями конфликта, тем нереалистичнее последующие конфликты¹¹.

VI. Чем в большей мере конфликты объективируются за пределами индивидуальных интересов и на более высоком уровне, тем острее конфликт.

А. Чем в большей мере группа едина в идеологическом отношении, тем дальше выходят конфликты за пределы личных интересов.

1. Чем выше идеологическое единство группы, тем большее распространение получают в ней ее общие цели, тем больше они выходят за пределы личных интересов.

2. Чем выше идеологическое единство группы, тем лучше осознаются конфликты, тем дальше они выходят за пределы личных интересов.

VII. Чем больше конфликт в группе связан с наиболее существенными ценностями и проблемами, тем он острее. А. Чем более жесткой является структура, в которой происходит конфликт, тем более вероятно, что возникновение конфликта связано с самыми основными ценностями и проблемами.

Б. Чем больше эмоций вызывает ситуация, в которой происходит конфликт, тем выше вероятность того, что его возникновение связано с самыми существенными ценностями и проблемами.

^а Козер, по-видимому, определяет остроту конфликта двумя взаимосвязанными способами: 1) по уровню взаимного противоборства двух сторон, принимающих участие в конфликте, и 2) по степени применения насилия в подобном

противоборстве. Однако признавая введенное Дарендорфом отличие остроты конфликта (т. е. энергии и степени причастности к нему его участников) от насилия (т. е. оружия, призванного освободить энергию), Козер замечает, что «в будущем эти и другие в высшей степени ценные отличительные признаки, несомненно, должны быть включены в любую кодификацию общей теории социального конфликта». (Coser. *Continuities in the Study of Social Conflict*, p. 3.) Эти переменные, очевидно, вошли в тезисы Козера, ибо вызванные конфликтом эмоции — это решающий момент, необходимый (при некоторых дополнительных условиях) для определения того, каков уровень применения насилия в конфликте. Очевидно. Дарендорф пользуется различными определениями остроты конфликта, но в действительности насилие и вовлеченность в конфликт рассматривается обоими авторами в качестве самостоятельных переменных.

^п Coser. *The Functions of Social Conflict*, p. 59. Что касается следующих тезисов, то см. соответственно: p. 98—100, 98—100, 62—63, 68, 85, 98—99, 85, 68—70, 83—85, 85.

^в Coser. *Social Conflict and the Theory of Social Change*, p. 202.

^г По мнению Козера, реалистический конфликт связан с преследованием определенных целей, которому противостоят реальные источники враждебности, причем определяются и издержки, связанные с достижением целей. По поводу этого и некоторых последующих тезисов, соответственно, см.: Coser. *Functions of Social Conflict*, p. 49, 50, 45, 45. Нереалистический конфликт связан с открытым выражением враждебности, направленной не на те объекты, которые вызывают эту враждебность, а на иные объекты, и с отсутствием ясного предвидения связанных с этим издержек; что касается этого и следующего за ним тезиса, см. там же, с. 50.

^е Ibid., p. 98—99; Coser. *Internal Violence as a Mechanism for Conflict Resolution*.

^ж Coser. *Social Conflict and the Theory of Social Change*, p. 197—207.

^з Coser. *Internal Violence as a Mechanism for Conflict Resolution*; *Functions of Social Conflict*, p. 58—59.

^и Что касается этого и следующих за ним тезисов, см. соответственно: Coser. *Functions of Social Conflict*, p. 54, 116, 113, 113, 113, 75, 79, 76.

Особый интерес представляют тезисы IV и IV—А, потому что они прямо направлены против положения, которое особенно подчеркивал Маркс: осознание своих объективных интересов приводит к острому (революционному) конфликту. Заимствуя эту мысль у Зиммеля, Козер подчеркивает, что ясная осознанность конфликтных интересов (реалистический конфликт), вероятно, заставит участников конфликта искать компромиссы и иные средства, альтернативные открытому конфликту, с тем, чтобы попытаться избежать больших издержек, связанных с острым конфликтом. Вместе с тем Козер считает, что в жестких социальных системах довольно вероятны нереалистические конфликты, поскольку здесь совершенно невероятно осуществление истинных интересов. Тем не менее Маркс совершенно справедливо уловил, что в таких жестких системах острый конфликт в высшей степени (вероятен, поскольку, скорее всего, он окажется нереалистическим (V тезис Козера), будет обременен вызванными им эмоциями (II), возникнет благодаря накопившемуся недовольству (III) и получит свое воплощение за пределами личных интересов (VI).

Таким образом, Козер, по-видимому, весьма эффективно объединил идеи Зиммеля и Маркса в исчерпывающем перечне тезисов, что проливает яркий свет на серьезный теоретический вклад каждого из этих мыслителей и позволяет в то же время отказаться от некоторых их менее важных теоретических положений. Кроме того, стало совершенно очевидным, что, постоянно обращаясь к Зиммелю как к своему теоретическому вдохновителю, Козер в то же время многим в своей теоретической схеме обязан тому, что создано Марксом, и во многих отношениях эта схема обеспечивает некоторые эмпирические принципы, позволяющие синтезировать наследие Маркса и Зиммеля.*

Длительность конфликта

В тезисах табл. 8 Козер сосредоточил свое внимание на таких аспектах конфликта, которые, по существу, игнорировались Зиммелем и Дарендорфом. С точки зрения Козера, такие показатели, как ясность целей конфликтных групп, степень согласия конфликтных групп по поводу смысла победы или поражения, способность лидеров понять, чего стоит победа, и убедить своих сторонников в том, что желательно прекратить конфликт, являются решающими при определении длительности конфликта. За

каждой из этих переменных обнаруживаются некоторые взаимосвязи, на которые в свою очередь оказывают влияние другие переменные, в частности вызванные конфликтом эмоции (I—A), степень реалистичности конфликта (II—A), мера поляризации (III—A, 1), степень обладания властью (III—A), наличие четких показателей победы (IV—Б) и уровень централизации (V—Б). Несмотря на то что во взаимосвязях этих тезисов обнаруживаются частичные совпадения, несмотря на то, что им не хватает логической строгости, все же они представляют собой пример уточнения теоретических положений относительно длительности и окончания конфликта в социальных системах. В социологии анализу временных переменных, в особенности длительности, едва ли уделялось внимание; к чести Козера, он включил некоторые из этих переменных в свой анализ конфликта.

Таким образом, анализируя одновременно причины, остроту и длительность конфликта, Козер избежал некоторых аналитических опасностей, возникающих из-за исключительной сосредоточенности на «функциях социального конфликта». Тем не менее совершенно очевидно (как покажут тезисы, обобщение которых будет дано в следующем разделе), что он предпочел сосредоточить свое внимание прежде всего на позитивных функциях конфликта по сохранению различных институционализированных образцов как во всей социальной системе, так и в ее подсистемах.

* Об «эффективном объединении идей Зиммеля и Маркса», позволяющем «синтезировать наследие Маркса и Зиммеля», о чем ведет речь Дж. Тернер, говорить всерьез, конечно же, нельзя: Маркс и Зиммель, Маркс и Козер с точки зрения социально-классовых позиций и, следовательно, в идейном отношении — антиподы. — *Прим. ред.*

Таблица 8

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ КОНФЛИКТА

I. Чем меньше ограничены цели противоположных сторон, принимающих участие в конфликте, тем продолжительнее конфликт²¹.

A. Чем слабее вызванный конфликтом эмоциональный накал, чем меньше жесткость структуры, чем менее реалистичен конфликт, тем вероятнее, что цели, преследуемые участниками конфликта, должны быть ограничены⁶.

II. Чем меньше единодушия проявляют конфликтующие стороны относительно целей конфликта, тем продолжительнее конфликт³.

А. Чем менее реалистичен конфликт, тем больше вероятность разногласий по поводу целей конфликта^{1"}.

III. Чем меньше интерпретаций участвующие в конфликте стороны могут дать символическому смыслу победы или поражения своих противников, тем продолжительнее конфликт.

А. Чем меньше у обеих сторон согласия по поводу символов, тем меньше каждая из них способна интерпретировать символический смысл победы или поражения своих противников.

1. Чем сильнее поляризация конфликтующих сторон, чем сильнее они втянуты в конфликт, тем меньше у них согласия по поводу символического смысла победы или поражения.

2. Чем меньше экстремистских фракций имеет каждая группа, принимающая участие в конфликте, тем выше вероятность того, что они будут одинаково понимать символический смысл победы или поражения.

IV. Чем лучше лидеры конфликтных групп сумеют понять, что зато, чтобы полностью достичь своих целей, нужно заплатить гораздо дороже, чем за то, чтобы одержать победу, тем менее продолжительным будет конфликт.

А. Чем равномернее распределена власть между двумя конфликтующими группами, тем выше вероятность того, что их лидеры поймут, как дорого обходится достижение целей в полном объеме^А.

Б. Чем более четкими являются показатели победы или поражения в конфликте, тем вероятнее, что лидеры должны понять, как дорого обходится полное достижение всех целей^е. 1. Чем больше согласия по поводу символов поражения или победы, тем более четкими являются показатели поражения или победы.

V. Чем лучше лидеры каждой из конфликтующих групп умеют убеждать своих последователей в необходимости положить конец конфликту, тем он менее продолжителен.

А. Чем лучше лидеры знают символы своих сторонников, чем больше согласия среди них по поводу этих символов, тем лучше они умеют убеждать своих сторонников.

Б. Чем выше централизация конфликтных групп, тем лучше их лидеры умеют убеждать своих последователей^{"1}.

В. Чем меньше расхождений внутри конфликтных групп, тем лучше умеют их лидеры убеждать своих сторонников.

Г. Чем больше лидеры претендуют на то, чтобы добиться каких-нибудь выгод, тем лучше они умеют убеждать своих сторонников³.

Termination of Conflict. - In: Continuities in the **Study** of Social Conflict, p. 37—52.

⁶C o s e r. The Functions of Social Conflict, p. 48—55, 59.

"Coser. The Termination of Conflict.

⁷ C o s e r. The Functions of Social Conflict, p. 50.

⁸ Ibid., p. 20.

⁹ C o s e r. The Termination of Conflict (этот и следующий за ним тезисы) .

¹⁰ C o s e r. Functions of Social Conflict, p. 128—133. ³ C o s e r The Termination of Conflict.

Функции конфликта

В тезисах, приведенных в табл. 9, Козер вслед за Зиммелем показал, каковы некоторые последствия конфликта для каждой группы, принимающей в нем участие (I—IV), и для того социального целого, где происходит конфликт (V—IX). В первой группе тезисов отмечается, что конфликт может содействовать более четкому разграничению между группами, способствовать централизации принятия решений, укреплять идеологическое единство, усиливать социальный контроль.

Таблица 9

ФУНКЦИИ КОНФЛИКТА

I. Чем острее конфликт, тем соответственно более четкие границы имеет каждая конфликтная группа⁴.

II. Чем острее конфликт, чем более дифференцированно разделение труда в каждой конфликтной группе, тем вероятнее, что каждая из них будет иметь централизованную структуру принятия решений⁶.

А. Чем острее конфликт, чем слабее дифференцированна структура, чем неустойчивее структура и слабее внутренняя солидарность, тем в большей мере централизация носит деспотический характер.

III. Чем острее конфликт, чем очевиднее, что он воздействует на все сегменты каждой группы, тем больше конфликт укрепляет структурную и идеологическую солидарность членов соответствующих конфликтных групп.

IV. Чем первичнее отношения, связывающие членов соответствующих конфликтных групп, чем острее конфликт, тем сильнее он подавляет разногласия и отклонения в каждой конфликтной группе и заставляет подчиняться нормам и ценностям.

А. Чем сильнее конформизм, вызванный межгрупповым конфликтом, тем больше накапливается враждебность и тем вероятнее, что в конце концов разразится внутригрупповой конфликт.

V. Чем меньшей жесткостью обладает социальная структура там, где происходит межгрупповой конфликт, чем чаще и мягче конфликт, тем вероятнее, что конфликт вызовет изменения системы, усилив ее адаптивность и интеграцию¹⁵.

А. Чем менее жесткой является система, тем вероятнее, что конфликт поддержит в системе все новое и творческое. Б. Чем менее жесткой является система, тем меньше вероятность того, что конфликт связан с перенесением враждебности на альтернативные объекты, тем вероятнее, что конфликт столкнулся с реалистическими источниками напряженности¹⁶.

1. Чем в большей мере система базируется на функциональной взаимообусловленности, тем чаще конфликты, тем более мягкими они являются, тем больше вероятность того, что они снимут напряженность, не вызывая при этом поляризации системы.

2. Чем устойчивее первичные отношения в системе, чем чаще и мягче конфликты, тем вероятнее, что они снимут напряженность, не вызывая при этом поляризации системы, но не в такой мере, чтобы система стала базироваться на вторичных отношениях.

В. Чем менее жесткой является система, тем вероятнее, что конфликт будет восприниматься теми, кто находится у власти, в качестве сигнала плохой приспособленности системы, на который следует обратить внимание-".

VI. Чем чаще происходят конфликты, тем меньше вероятность того, что они отражают разногласия по поводу наиболее существенных ценностей, тем вероятнее, что их функции будут направлены на то, чтобы поддерживать равновесие^е. А. Чем в большей мере конфликтная группа может апеллировать к основным ценностям системы, тем меньше вероятность того, что

конфликт вызовет разногласия по поводу этих ценностей, тем вероятнее, что он будет содействовать интеграции системы^ж.

Б. Чем меньше конфликтная группа защищает крайние интерпретации основных ценностей, тем меньше вероятность того, что образуется противостоящая ей конфликтная группа, тем менее разрушительным для системы будет конфликт. VII. Чем чаще конфликты и чем они мягче, тем вероятнее, что они должны содействовать нормативному регулированию конфликта. А. Чем менее жесткой является система, тем чаще и мягче конфликты³.

1. Чем менее жесткой является система, тем вероятнее, что конфликт восстановит жизненность существующих норм".

2. Чем менее жесткой является система, тем вероятнее, что конфликт породит новые нормы.

Б. Чем чаще и мягче конфликты, тем вероятнее, что группы должны быть централизованными в своих попытках укрепить конформизм всех членов каждой группы по отношению к нормам, управляющим конфликтом".

1. Чем равномернее распределение власти между конфликтными группировками, тем вероятнее, что конфликт породит такую централизацию, которая будет укреплять нормативный конформизм.

VIII. Чем менее жесткой является система, тем вероятнее, что именно конфликт может установить равновесие и иерархию власти в системе.

А. Чем меньше известно о силах противника и чем меньше показателей, характеризующих эти силы, тем вероятнее, что конфликт между двумя группами, соперничающими в борьбе за власть, укрепит равновесие отношений власти в системе.

IX. Чем менее жесткой является система, тем вероятнее, что конфликт вызовет образование ассоциативных коалиций, которые увеличат сплочение и интеграцию системы.

А. Чем больше коалиции одних партий представляют угрозу для других, тем вероятнее, что эти последние тоже образуют ассоциативные коалиции.

Б. Чем больше система основывается на функциональной взаимообусловленности, тем вероятнее, что коалиции будут носить инструментальный характер и окажутся менее длительными.

1. Чем больше разногласий обнаружится в системе, тем выше вероятность того, что интересы" групп, входящих в коалицию, носят конфликтный характер, а вся коалиция является чисто инструментальной.

2. Чем в большей мере коалиция образуется в чисто оборонительных целях, тем выше вероятность того, что она будет иметь инструментальный характер.

В. Чем сильнее структурирована система, чем первичнее существующие в ней связи, тем выше вероятность того, что в коалициях возникнут общие нормы и ценности и образуются более постоянные группы.

1. Чем в большей мере коалиции состоят из индивидов (или, если выразиться более обобщенно, чем меньше единицы, образующие коалицию), тем выше вероятность того, что они образуют постоянную группу.

2. Чем больше взаимодействий требуется от участников коалиции, тем вероятнее, что они образуют более постоянную группу.

^aC o s e r. The Functions of Social Conflict, p. 37—38.

^oЧто касается этого и следующего за ним тезиса, см. там же, соответственно с. 95, 92, 93, 69—72, 48.

^b Ibid., p. 45—48; C o s e r. Internal Violence as a Mechanism for Conflict , Resolution; C o s e r. Social Conflict and the Theory of Social Change, p. 197—207. Этот тезис учитывается и в других, следующих за ним тезисах и, таким образом, считается решающим для определения того, будет ли конфликт играть роль функций или дисфункций по отношению к интеграции и адаптивности системы.

^r C o s e r. Internal Violence as a Mechanism for Conflict Resolution; C o s e r. Functions of Social Conflict, p. 45—48; что касается двух следующих тезиов, см. там же, с. 85, 83, 85 (соответственно).

^tCoser .Some Social Functions of Violence, p. 10; C o s e r. Internal Violence as a Mechanism for Conflict Resolution.

^e C o s e r. Functions of Social Conflict, p. 73.

Что касается этого и следующего за ним тезиса, см.: C o s e r. The Functions of Dissent.

³ C o s e r. Social Conflict and the Theory of Social Change; Functions of Social Conflict, p. 125.

По поводу этого и следующего за ним тезиса см. там же. См. там же, с. 129; что касается последующих тезисов, см. соответственно там же, с. 129, 133—136, 14Q, 148, 142, 143, 149, 142, 146, 146.

Как и в предыдущих тезисах, здесь отмечается, что эти события происходят только при определенных условиях, включая жесткость и дифференцированность социальной структуры, остроту конфликта, а также то, в какой мере чувствуется влияние конфликта на все фракции данной группы. Особый интерес представляет следующее обстоятельство: только в тезисе IV—А имеется совершенно определенное высказывание по поводу потенциальных дисфункций конфликта соответственно в каждой конфликтной группе. Более того, из этого специфического перечня лишь косвенно явствует, что при инверсии тезисов можно будет установить, при каких условиях конфликт приводит к дезинтеграции конфликтных групп. Возьмем в качестве примера тезис III; вряд ли можно будет утверждать, что если все члены группы не чувствуют на себе влияние конфликта, то нарушится ее идеологическое единство. Такой результат был бы вполне возможен, однако, необходимы какие-то дополнительные тезисы, которые позволили бы установить, при каких условиях этого результата следовало бы ожидать. Козер ясно осознает эти обстоятельства; однако, поскольку он предпочитает обращать внимание прежде всего на *позитивные функции* конфликта, а не на более нейтральное явление — его результаты, или последствия¹², — то эти тезисы в итоге приводят к такому абсолютно интегральному представлению о социальной действительности, которое во многом аналогично точке зрения, приписываемой критиками функционализму Парсонса даже перед лицом открытого межгруппового конфликта.

К сожалению, побочный смысл этого положения подкрепляется тезисами V—IX, в которых утверждается, что конфликт, протекающий в системах, имеющих подвижную структуру, способствует интеграции, новациям, творчеству, уменьшает враждебность, прикрывает внимание элиты, к плохой приспособленности системы. Кроме того, конфликты (при условии, что они будут частыми и острыми) могут укреплять различные уровни и типы равновесия, нормативное регулирование, содействовать созданию коалиций ассоциативного характера. Хотя инверсия некоторых из этих тезисов, возможно, и выявила бы какие-нибудь условия, при которых усиливаются нарушения равновесия, аномалии и антагонизмы между подгруппами, все же сами тезисы по-прежнему отличаются тенденцией подчеркивать исключительно интеграцию и адаптивность системы.

Возвратимся к простому, но важному пункту, сформулированному выше: всякая попытка «исправить» односторонность одних теоретиков, предлагая другую форму одностороннего анализа, окажется неудачной, поскольку она приведет только к созданию еще одной односторонней «корректирующей» схемы. Если бы Козер предпочел сосредоточиться на последствиях

конфликта для систем и составляющих их компонентов, его теоретическое направление стало бы даже еще более «коррективным» по сравнению с односторонностью его теоретических предшественников. Таким образом, в результате Козер попался в ту же самую аналитическую ловушку, в которой он обвинял Парсонса, ибо непосредственным импульсом для его тезисов служит стремление создать такую картину мира, в которой конфликт способствует только институционализации и интеграции. Несмотря на то что эта картина совершенно не похожа на «утопию Парсонса», она, быть может, столь же нереалистична.

Наконец, следует заметить, что положениям в предлагаемой Козером схеме не хватает строгости. Они частично совпадают друг с другом; не удастся четко определить, к каким социальным единицам (группам, индивидам, организациям, обществам и т. д.) они относятся; между ними обнаруживаются разрывы; определения понятий далеко не адекватны, а некоторые из них граничат с тавтологией. Во многом эта неадекватность проистекает из того обстоятельства, что полный перечень тезисов составлялся посторонним обозревателем — опасное мероприятие, ибо при этом неизбежна неправильная интерпретация. Однако если бы схема Козера обошлась без всяких попыток свести все положения в единый кодекс на самом абстрактном уровне, она оказалась бы гораздо менее емкой, поскольку ее тезисы оставались бы изолированными друг от друга, но тесно связанными с постоянно меняющимся кругом событий. Чувствуется, что и сами тезисы, и то теоретическое направление, которое они обозначают, имеют слишком глубокий смысл и слишком большое значение, чтобы их можно было оставить без всякой связи, только в конкретном выражении.

Короче говоря, несмотря на то, что схеме Козера не достает логической строгости развитой научной теории, она представляет одно из самых всесторонних и стимулирующих конфликтных направлений в современной социологии. Включение этой схемы в более абстрактные тезисы позволило раскрыть и ее всесторонность, и ее неадекватность.

Стратегии, пересматривающие схему Козера

Как особо подчеркивалось выше, разработанный Козером подход в аналитическом отношении является односторонним, и если следовать этому подходу, то можно прийти к искаженному представлению об обществе. Несмотря на то что Козер начинает

с заявлений о необходимости насилия, принуждения, напряженности и конфликтов, его исследование очень скоро переходит к интегративным и адаптивным последствиям подобных процессов. Такая направленность проводимого им анализа может с легкостью привести к превращению интегративных и адаптивных «функций» конфликта в функциональные «потребности» и «реквизит», который обуславливает необходимость конфликта или даже вызывает его. На телеологические идеи Козера, по-видимому, большое влияние оказала органическая модель Зиммеля. Как только он захотел документально подтвердить, что конфликт вносит свой вклад в сохранение целостной системы, или «социального организма», как он предпочитает ее называть, так у него стала иногда имплицитно проскальзывать мысль о том, что социальный организм вызывает конфликт для того, чтобы удовлетворить свои интегративные потребности. Несмотря на то что, по мнению Козера, конфликт вызывает в социальных системах перемены, он все же рассматривает его в первую очередь в качестве решающего процесса, способствующего интеграции или равновесию — хотя бы «подвижному равновесию», как предпочитает называть его Парсонс.

Однажды Дарендорф заметил по поводу функционализма Парсонса:

«Вся разница между утопией и кладбищем состоит в том, что в утопии изредка совершаются какие-нибудь события. Однако все... процессы, протекающие в утопическом обществе, являются обратимыми и происходят... в рамках плана целого. Они не только не нарушают status quo, но, напротив, укрепляют и поддерживают его, и только ради этого им вообще разрешается происходить в большинстве утопий»¹³.

Обнаруживает ли подобную же слабость и модель Козера? С одной стороны, можно заметить, что Козер постоянно подчеркивал ограниченность и «корректирующую» односторонность своей схемы, тогда как, с другой стороны, критики могут бросить ему упрек в том, что схема Парсонса не меньше, чем схема Козера, исходила 'из благих намерений, а в «тоге была ослаблена имплицитно присущим ей органицизмом.

Если иметь в виду большинство основных работ Козера, то именно этот упрек, возможно, наиболее справедлив, поскольку допущения Козера, его представления о причинных процессах, абстрактные суждения — словом, все — указывают на то, что позитивные функции конфликта в системе состоят либо в том, чтобы обеспечивать сохранение системы, либо в том, чтобы происходящие в ней перемены обеспечивали ее возрастающую адаптивность.

Чтобы решить эту проблему, необходимо, по-видимому, несколько изменить направленность высказываний Козера по поводу причин, остроты и длительности конфликта. Эти высказывания занимают нейтральную позицию по отношению к важным вопросам и не пытаются «уравновесить» или «скорректировать» теоретическую односторонность, имевшую место в прошлом, при помощи другой односторонности. Действительно, в них обнаруживается хорошее понимание основных аспектов конфликта в социальных системах; и несмотря на то, что они явно нуждаются в дополнениях и новых формулировках, все же они предлагают важные теоретические принципы. Принципиальная односторонность схемы возникает благодаря заимствованию функциональных тезисов Зиммеля, а потом — благодаря попыткам их дополнить. Именно здесь в схеме следует произвести самые радикальные преобразования. Единственная корректирующая стратегия, которая не будет отзываться какой-либо иной формой односторонности, состоит в том, чтобы поставить перед теорией более нейтральный вопрос: при каких условиях можно ожидать, что такой-то конфликт в таких-то системах и подсистемах приведет к таким-то результатам? Несмотря на то что эта стратегия не является каким-то поразительным теоретическим открытием, она все же позволяет отделить оценку конфликтных процессов от тех вопросов, которые в конечном итоге сводятся к оценке

«функций» и «дисфункций». Если бы вопрос о последствиях конфликта был поставлен в более строгой формулировке, то заключительные положения составили бы более сбалансированное и гораздо более точное представление о социальной действительности.

Если таким словам, как, например, «функция», долго и притом неудачно придается дополнительный организмический смысл, то разумнее было бы перестать пользоваться ими в социологии, так как при их интерпретации слишком часто возникают логические и субстанциальные проблемы. Несмотря на то что Козер, по-видимому, ясно видел эту опасность, он содействовал неправильной интерпретации этих терминов, постоянно сопоставляя понятия «социальный организм» и «функции» с различными конфликтными процессами и связанными с ними явлениями, как, например, разногласия и насилие. Если бы он этого не делал, то он бы лучше выполнил поставленную перед собой цель — исправить неадекватность функционального и конфликтного теоретизирования в социологии.

Короче говоря, было бы неразумно стремиться к созданию «новых направлений», которые исправляли бы недостатки как диалектической, так и функциональной теорий конфликта. Слишком долго социологическая теория занималась такого рода деятельностью; теперь более мудрой будет такая стратегия, которая начнет согласовывать различные тезисы с тем, чтобы: 1) точнее определить, к каким аналитическим единицам они относятся — классам, группам, организациям, обществу; 2) ликвидировать разрывы между тезисами; 3) согласовать не согласующиеся между собой выводы; 4) дополнить их обобщениями, имеющимися в научной литературе. Такая стратегия позволит более эффективно установить, при каких условиях возникают, сохраняются, изменяются и разрушаются различные формы социальной организации. Ибо только таким образом социологическая теория сумеет обеспечить научное решение поставленной Гоббсом проблемы порядка.

ГЛАВА 8

Диалектическая и функциональная теория конфликта: стратегия синтеза

Актуальные проблемы теоретического синтеза

Несмотря на то что и диалектическая, и функциональная теории конфликта уходят своими интеллектуальными корнями в работы Маркса и Зиммеля, каждая из

них, если ее рассматривать в качестве альтернативы функционализму Парсонса, обретает более четкие контуры¹. Чрезмерно резкая в некоторых случаях полемика представителей теории конфликта с функционализмом создала атмосферу острых противоречий, которая сохраняется вот уже два десятилетия². И что теперь стало характерным для подобных хронических разногласий в социологическом теоретизировании, эта дискуссия приняла неудачный оборот:

- 1) первоначальная, довольно мягкая критика схемы;
- 2) едкая, полемическая критика схемы;
- 3) предложение альтернативных теоретических схем;
- 4) контратаки на неадекватность критических замечаний и предложенных альтернатив;
- 5) попытки мудрецов согласовать критикуемые схемы и предложенные альтернативы;
- 6) сомнения по поводу ценности всей этой деятельности для дальнейшего прогресса социологической теории. Дискуссии, которые вели представители теоретической социологии, постоянно шли именно в этом направлении, однако нигде все этапы полемики — с 1-го по 6-й — не проявлялись с такой очевидностью, как в спорах между представителями функциональной теории конфликта. Следовательно, эта ситуация представляет специфический интерес для нашего настоящего обсуждения теории конфликта и, кроме того, имеет принципиальное значение для понимания того, почему социологическое теоретизирование постоянно увязает в кажущихся бесконечными противоречиях.

И те, кто критиковали, и те, кто синтезировали эти хронические противоречия, придерживались сходной тактики— они составляли перечни того, что, по их мнению, является допущениями функционализма и теории конфликта. Подобные описания обычно принимают форму попарного перечисления допущений, как это видно из двух ярких примеров, приведенных на табл. 10³.

Таблица 10
ПЕРЕЧНИ ДОПУЩЕНИЙ У СТОРОННИКОВ КОНФЛИКТНОЙ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Перечень, составленный сторонниками синтеза

Модель А	3. Общества	с
1. Элементы, лежащие в основе социальной жизни, — это нормы и ценности	необходимостью	обладают способностью спланироваться
2. Социальная жизнь включает в себя обязанности	4. Общественная	жизнь зависит от солидарности
	5. Общественная	жизнь

основывается на взаимодействии и кооперации

6. Социальные системы основываются на согласии

7. Общество признает законный авторитет

8. Социальные системы интегрированы момент времени подвержено переменам: социальные изменения происходят повсеместно

9. Социальные системы стремятся к устойчивости

Модель Б

1. Элементы, лежащие в основе социальной жизни, — это интересы

2. Социальная жизнь включает в себя побуждения и

принуждение

3. Общественная жизнь неизбежно связана с размежеванием

4. Общественная жизнь порождает противоположности, замкнутость, враждебность

5. Общественная жизнь порождает структурный конфликт

6. Социальная жизнь порождает групповые интересы

7. Социальная дифференциация порождает власть

8. Социальные системы дезинтегрированы, их постоянно захлестывают «противоречия»

9. Социальные системы стремятся к изменениям

Перечень Дарендорфа

1. Каждое общество в каждый момент времени подвержено переменам: социальные изменения происходят повсеместно

2. Каждое общество в каждый момент времени испытывает социальный конфликт: социальные конфликты происходят повсеместно

3. Каждый элемент общества вносит свой вклад в его изменение

4. Каждое общество основывается на том, что одни его члены подчиняются другим

1. Каждое общество есть относительно устойчивая конфигурация элементов

2. Каждое общество — это хорошо интегрированная конфигурация элементов

3. Каждый элемент общества вносит свой вклад в его функционирование

4. Каждое общество основывается на согласии всех его членов

Критики функционализма обычно претендуют на то, что конфликтная альтернатива более изоморфна реальности, хотя при этом всегда добавляется, что функционалистские догмы всегда относят к некоторым особенностям общества. Сторонники синтеза утверждают, что обе формулировки представляют собой крайности (это обстоятельство они подтверждают тем, что приводят эти высказывания в их крайнем выражении) и если смягчить обе схемы и совместить их друг с другом, то они обеспечат более точное отражение реальности. Поэтому сторонники синтеза выбрасывают из обоих списков все крайности и обращают особое внимание на области «конвергенции» или «примирения» ставших более умеренными перечней.

Одна из наиболее серьезных попыток синтеза была предпринята Пьером ван ден Бертом в начале 60-х годов⁴. Его стратегический замысел состоял в том, чтобы распространить применение модели, которую он назвал «моделью функционального равновесия», на объяснение конфликта и разногласий и в то же время «минимизировать» «диалектическую модель конфликта», то есть применять ее лишь в той мере, в какой она может показать, что социальные изменения имеют внутренний характер и возникают в результате того, что социальным структурам присущи противоположности. Выполняя это исследование, ван ден Берг пришел к следующим результатам: в системах обнаруживается взаимная обусловленность, но ее степень может варьировать; взаимообусловленность может подразумевать как взаимную согласованность, так и противоположность; конфликт может возникать из разных источников; конфликт может приводить и к переменам, и к застою; и, напротив, согласие может привести к дезинтеграции и конфликту. Он доказывал, что признание этих обстоятельств привело бы социологическую теорию к синтезу или согласованию между собой расходящихся требований теории конфликта и функционализма.

Эта форма теоретического анализа столкнулась с рядом проблем. Во-первых, все аргументы излагаются здесь в метафизических терминах, а это приводит к такой ситуации, когда автор пытается согласовать между собой базисные допущения о природе реальности. Такая деятельность напоминает попытку согласовать противоположные оценки того, что есть или должно быть, с «реальным миром»; согласно., самому существу подобной деятельности, это согласование будет принято только теми, чьи суждения или допущения совпадают с суждениями ван ден Берга. Во-вторых, поскольку обе позиции излагаются на

языке метафизики, подобные опоры нельзя разрешить, и все попытки -согласовать их между собой ни к чему не приведут. Каждая из этих позиций, исходит из противоположных метафизических утверждений, из которых в свою очередь выводятся какие-то другие утверждения,—и т. д., пока в литературе, не накопится множество, статей, -возражений на них и возражений на эти возражения.

Таким образом, синтез и согласование допущений— это весьма сомнительный подход к решению теоретических противоречий. Робин Уильямс⁵ подчеркнул; все споры по поводу того, что типичнее для социальных систем — согласие и равновесие или насилие и изменения,—совершенно «бесполезны», ибо в действительности существуют эмпирические вопросы: при каких условиях., согласие, насилие, принуждение, разногласия, кооперация, интеграция, равновесие, и перемены служат олицетворением общества?

Именно на эти вопросы нельзя ответить при помощи допущений, именно на этом уровне их нельзя синтезировать или согласовывать друг с другом. Таким образом, все споры по поводу конфликтной и функциональной теорий, так же как и все попытки теоретически согласовать их между собой, стремились обойти серьезную, и интересную в теоретическом отношении проблему: при *каких эмпирических условиях* действительны предложения, внушенные допущением конфликта или функциональным образом социальной организации?

В общем, социологической литературе не нужен никакой другой синтез или согласование допущений. Имевшие же место попытки синтеза и согласования выполнили свое назначение, обратив внимание на все, что казалось само собой разумеющимся, в том числе на признание того, что в социальной действительности обнаруживаются как конфликты, так и кооперация, как согласие, так и разногласия, как напряженность, так и равновесие, а также обмен и т. д. Как подчеркивалось на первых же страницах этой книги, задача социологической теории состоит в том, чтобы обнаружить, при каких условиях общество будет находиться в каком-либо из этих состояний. В спорах и противоречивых высказываниях по поводу дихотомии конфликта — согласия, интеграции — дезинтеграции, устойчивости — изменения эта задача отодвинулась на задний план. Таким образом, в этой главе будет сделана попытка наметить следующую альтернативную стратегию для решения теоретических противоречий: по каким пунктам выдающиеся теоретические направления до» вершенно явно расходятся или сближаются между собой?

В контексте диалектического направления в теории конфликта, развиваемого Дарендорфом, и функционального направления той же теории, развиваемого

Козером, эта стратегия исходит из предположения о том, что проверка и сопоставление всей совокупности содержащихся в них высказываний окажутся полезными. Иными словами, что же обнаружится в социальных конфликтах благодаря объединению всех высказываний Дарендорфа и Козера? При ответе на этот вопрос сразу же станет очевидным, что различие систем общественных отношений, разработанных Козером и Дарендорфом, возникает из-за некоторого различия их теоретических суждений по поводу конфликтных процессов.

Тем не менее из этого обсуждения также будет следовать, что при всех своих расхождениях обе эти совокупности предложений дополняют друг друга. Действительно, как будет показано ниже, некоторые недостатки одной из них отчасти исправляются за счет достоинств другой.

Эта проверка, по-видимому, будет гораздо более эффективной, чем попарное сопоставление двух списков допущений, что было хорошо доказано поверхностной полемикой между функционалистами и представителями теории конфликта. Кроме того, проверка объединенного списка высказываний Дарендорфа и Козера, а также последующее его сравнение с аналогичным образом объединенными списками предложений, существующих в других школах функционального теоретизирования, помогла бы выполнить все обещания, заложенные в реальном теоретическом согласовании и синтезе. Несмотря на то что эта последняя задача ~ согласовать функциональные теории и теории конфликта— в этой книге не ставится⁶, в настоящей главе делается попытка представить такую стратегию, которая в конечном итоге позволит достичь этой цели, поскольку она ставит необходимую для ее выполнения предварительную задачу — выявить те пункты, по которым тезисы двух разновидностей теории конфликта расходятся и сближаются между собой. После столь многочисленных попыток согласовать между собой различные школы, существующие в рамках традиций теории конфликта⁷ и функциональной теории, синтез этих двух главных теоретических традиций, по-видимому, будет иметь большое теоретическое значение, обеспечивая тем самым более адекватное решение проблемы порядка: как и почему возможно общество?

Комплементарные ряды предложений

Как следует из содержания 6-й и 7-й глав, суждения, высказанные Дарендорфом и Козером, на первый взгляд могут показаться похожими друг на

друга, поскольку их удобно анализировать в следующих общих направлениях: 1) причины конфликта; 2) острота и насильственный характер конфликта; 3) длительность конфликта; 4) результаты конфликта. Более того, некоторые из эксплицитных переменных, которые каждый из этих авторов включает в свои предложения, в значительной мере совпадают друг с другом, и все же в полном перечислении предложений эти аналогичным образом понимаемые переменные, оказывается, занимают разные места. Кроме того, при всем сходстве концептуализированных переменных Козер и Дарендорф по-разному смотрят на разные переменные свойства причин, остроты, длительности и результатов конфликта, а это приводит к тому, что списки их тезисов расходятся между собой и вместе с тем, как мы увидим в дальнейшем, хорошо дополняют друг друга.

Причины конфликта

В табл. 11 перечисляются тезисы⁸ Козера и Дарендорфа, относящиеся к причинам конфликта. Те тезисы, которые обращают внимание на аналогичные переменные явления, перечисляются попарно, тогда как все остальные тезисы приводятся по одиночке, но в той логической последовательности, которая подразумевалась автором.

Первый и главный тезис в двух списках обращает внимание на неудовлетворенность неимущих групп⁹ существующим распределением дефицитных ресурсов. По мнению Дарендорфа, большое теоретическое значение имеет проблема установления тех условий, при которых неимущие, во-первых, начинают осознавать свои объективные интересы, а затем организуются, чтобы добиться удовлетворения этих интересов при помощи конфликта. В этих тезисах единственной признаваемой им социально-психологической переменной является «осознание» (тезис I), которое существует наряду со «структурными» переменными, например лидерством (I—A, 1), составлением идеологических кодексов (I—A, 2), отношениями власти (I—B, 1), возможностями коммуникации (I—B, 1), способностью вербовать новых членов (I—B, 2), влияющими на подобное «осознание». С другой стороны, тезисы Козера больше основываются на социально-психологических переменных, так как они затрагивают проблему «законности» (в противоположность рассматриваемой Дарендорфом проблеме «осознания»). В результате особое внимание обращается на то, что ряд структурных переменных, например каналы, по которым выражается недовольство (I—A), социальная мобильность (I—B), социализация (II—A), внешний контроль (II—B), воздействует на психологические переменные, например уровень

эмоциональной энергии (I—А, 1), личные лишения (I—А, 2), надежды на мобильность, относительные лишения. Эти психологические переменные в свою очередь воздействуют на силу сомнений в законности (тезис 1) «увеличивают вероятность того, что конфликт все-таки начнется (тезис II).

Склонность Козера и Дарендорфа включать в соответствующие теоретические системы социально-психологические переменные проистекает, по крайней мере отчасти, из совершенно различных допущений. Поскольку согласно Дарендорфу, во всех социальных системах имеется внутренне присущая им противоположность интересов, или «императивно координированные ассоциации» (ИКА), которые в конечном итоге с неизбежностью порождают конфликты, постольку и положения, развиваемые с подобной точки зрения, должны, вероятно, обращать внимание на структурные условия, которые активизируют осознание противоречий, присущих ИКА, и приводят к тому, что это осознание становится базисом для образования конфликтных групп.

Поскольку считают, что конфликты неизбежны и существуют повсеместно, постольку и проблемы, связанные с вероятностью конфликта в различных типах ИКА, с обнаружением различных типов легитимизированного авторитета и различных типов (если они вообще существуют) противоположных интересов, не ставятся хоть сколько-нибудь серьезно. Таким образом, до тех пор пока считается, что конфликт тлеет где-то в глубине социальных структур, все тезисы несут совершенно определенную нагрузку: они просто документально подтверждают, что такие-то процессы приводят к освобождению внутреннего потенциала конфликта.

Козер, напротив, начинает с более умеренных допущений и представлений по поводу неизбежности конфликта. Такая позиция вынуждает его заняться исследованием вопроса о том, в каких типах структур, для которых характерны такие-то формы законности, обнаружится необходимый для конфликта потенциал. Чтобы решить этот вопрос, Козеру нужно установить, какие структурные социальные условия и каким образом воздействуют на психологические переменные, которые могут объяснить нарушения законности, а потом пробудить энергию «актеров» с тем, чтобы вызвать конфликт.

Таким образом, если не допускается, что конфликт наступает автоматически, вследствие внутренних противоречий, то необходимо развить такие тезисы, которые включали бы психологические переменные, связанные, во-первых, с отходом от законности (тезисы I-А, 1,2 и I-Б), а затем – с желанием развязать конфликт (II, II –А, II-Б).

Таблица 11

ТЕЗИСЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ПРИЧИНАМ КОНФЛИКТА

Дарендорф

I. Чем больше членов квазигрупп ИКА сумеют осознать свои объективные интересы, чем больше образуется конфликтных групп, тем больше вероятность того, что конфликт произойдет

A. Чем больше появится «технических» условий организации, тем выше вероятность того, что образуется конфликтная группа

1. Чем больше руководящих кадров может появиться в квазигруппах, тем выше вероятность того, что появятся «технические» условия организации

2. Чем большее развитие может получить кодифицированная идея системы, или хартия, тем выше вероятность того, что появятся «технические» условия организации

B. Чем больше сложится «политических» условий организации, тем выше вероятность того, что образуется конфликтная группа.

1. Чем больше господствующая группа

допускает организацию противоположных интересов, тем выше вероятность того, что возникнут «политические» условия организации

B. Чем больше может возникнуть социальных условий организации, тем выше вероятность того, что образуется конфликтная группа

1. Чем большими возможностями общения располагают члены квазигрупп, тем выше вероятность того, что появятся «социальные» условия организации

2. Чем больше новых членов можно нанять при помощи структурных механизмов (например, родства), тем выше вероятность того, что появятся «социальные» условия организации

Козер

I. Чем сильнее неимущие группы усомнятся в законном характере существующего распределения недостающих ресурсов, тем выше вероятность того, что они станут зачинщиками конфликта (1956, с. 37; 1957)

A. Чем меньше каналов, по которым неимущие группы могут излить свое недовольство распределением недостающих ресурсов, тем вероятнее, что они начнут сомневаться в его законности

(1967в)

1. Чем меньше имеется внутригрупповых организаций, в которых локализуется эмоциональная энергия членов неимущих групп, тем выше вероятность того, что неимущие группы обойдутся без каких-либо иных альтернатив, позволяющих им выразить свое недовольство, кроме сомнений по поводу законности (1967в)

2. Чем сильнее личные лишения членов групп, не имеющих каналов, по которым они могли бы выражать свое недовольство, тем выше вероятность того, что они начнут высказывать сомнения по поводу законности (1967в)

Б. Чем больше члены неимущих групп пытаются стать членами привилегированных групп, чем ниже допускаемая при этом мобильность, тем выше вероятность того, что они откажутся признавать законность (1956, р. 37—38)

II. Чем больше лишения, которые испытывает группа, из абсолютных превращаются в относительные, тем выше вероятность того, что эти группы станут инициаторами конфликта (1957; 1967б).

А. Чем в меньшей степени опыт социализации членов неимущих групп порождает чувство внутренней личной напряженности, тем выше вероятность того, что они будут испытывать относительные лишения (1967б)

Б. Чем меньше члены неимущих групп принуждаются к чему-либо извне, тем выше вероятность того, что они будут испытывать относительные лишения (1967б).

Примечание: Даты, приведенные в скобках, относятся к списку литературы, имеющемуся в конце главы.

Сама форма табл. 11 представляет собой попытку навести на мысль о том, что разрывы между тезисами Козера и Дарендорфа подразумевают направления синтеза, позволяющие создать более адекватный набор теоретических суждений. Такой синтез исправил бы односторонность каждого из этих направлений и позволил бы им ответить на некоторые из наиболее серьезных критических упреков, направленных в их адрес. Кроме того, поскольку синтез осуществлялся бы на уровне высказываний, а не допущений, то при этом удалось бы уберечь создаваемую теорию от новых бессодержательных споров по поводу того, что скрывается за согласием, конфликтом, равновесием или изменениями в реальном мире.

Как подчеркивалось в главе 7, схему Дарендорфа можно упрекнуть в том, что она не определяет, каким образом конфликт может возникнуть из тех самых легитимизированных отношений ролей (или «отношений авторитета») в ИКА, которые поддерживают порядок¹¹. Суть этого критического замечания состоит в следующем: может ли быть, чтобы в одно время легитимизированные отношения авторитета служили источником порядка и стабильности, а в другое — источником конфликта? Тезисы Козера по крайней мере обращали внимание на некоторые условия, при которых члены ИКА или каких-либо иных форм социальной организации, выполняющие в них какие-нибудь роли, могли усомниться в легитимизированном характере всего комплекса существующих в них отношений, что действительно стало бы для них источником мотивов, побуждающих их добиваться конфликта в качестве альтернативы постоянной покорности. Дарендорф слишком легко допустил, что осознание противоположных интересов и наличие политической организации суть «причины» конфликта. Но тезисы Козера обратили внимание на следующее обстоятельство: слишком невероятно, чтобы нечто подобное могло служить полным объяснением, поскольку решающее значение для «активизации» «актеров», достаточной для того, чтобы они захотели разрушить существующие социальные формы и принять участие в конфликте, имеют другие структурные условия (тезисы I—А, Б; II—А, Б). Дарендорф, по-видимому, отсылает эти психологические состояния к тезису, относящемуся к остроте конфликта (см, ниже и табл. 12), но в действительности подобные высказывания должны рассматриваться в качестве причин конфликта, поскольку происходящий в системе конфликт вследствие активизации эмоциональной

энергии приводит к преодолению инерции прежних социальных отношений. Таким образом, анализ, выполненный Козером, уравнивает предложенный Дарендорфом список и в то же время представляет собой попытку ответить на вопрос о том, как легитимизированные отношения ролей смогут быть и источником порядка, и источником конфликта.

Напротив, опись, сделанная Дарендорфом, может уравновесить односторонность и восполнить недостатки теоретических положений Козера. Одно из критических замечаний, направленных в адрес схемы Козера Дарендорфом и многими другими¹², заключается в том, что она не может объяснить, при каких условиях участники конфликта, выражающие сомнения по поводу существующих образцов, становятся достаточно организованными, чтобы разжечь и достаточно долго поддерживать сильный, разрушительный конфликт, приводящий к реорганизации социальных систем. Новая интерпретация со стороны Дарендорфа отчасти может внести необходимые коррективы, ибо в своих высказываниях по поводу «технических», «политических» и «социальных» условий Дарендорф предлагает некоторые решения, относящиеся к вопросу о том, как отход от законности и все усиливающееся чувство обездоленности может привести к организации групп, способных на самые разные конфликты. Тезисы Козера в той форме, в какой они выражены сейчас, почти не освещают причин организованных и распространяющихся конфликтов. Поскольку Козер, обсуждая остроту, длительность и последствия конфликта, развивает некоторые тезисы, относящиеся к организации групп, постольку при обсуждении причин конфликта следует обратиться к теоретическому вопросу о том, как организация возникает и принимает определенную форму. Перечень Дарендорфа, таким образом, предлагает некоторые необходимые суждения по поводу того, что конфликт, происходящий при ранее легитимизированных социальных порядках (ИКА), может представлять собой нечто большее, чем спонтанный эмоциональный взрыв неудовлетворенных, неимущих сегментов¹³

Насильственный характер и острота конфликта

Дарендорф озабочен тем, чтобы научиться различать переменные остроты и насилия. Острота относится к уровню эмоционального накала, вызванного конфликтом, и к энергии, затраченной участниками конфликта, тогда как насилие имеет отношение к воинственности принимающих участие в конфликте сторон¹⁴. Козер в своей работе точнее проводил это различие, но имплицитно, несмотря на то, что он хвалил Дарендорфа за эксплицитное разделение этих двух переменных

и замечал, что «эти и другие в высшей степени ценные аналитические различия, несомненно, будут включены во все последующие кодификации общей теории социального конфликта»¹⁵.

В табл. 12 тезисы, развиваемые Козером и Дарендорфом в связи с этими переменными признаками конфликта, сопоставляются так же, как и в табл. 11. Совершенно очевидно, что тезисы, обозначающие остроту и насилие, четко выделены в описи Дарендорфа, тогда как модель Козера не нуждается в том, чтобы проводить различие между насилием и остротой конфликта. Хотя Козер посвятил «насилию» целый ряд очерков¹⁶, он всегда стремился следовать примеру Зиммеля¹⁷ и обсуждать насилие и остроту конфликта одновременно, но не делая между ними тех серьезных различий, какие делает Дарендорф.

В тезисах I—III табл. 12 Дарендорф указывает на некоторые условия, при которых, вероятно, конфликт окажется острым, а энергия его участников, их вовлеченность в конфликт возрастут. Согласно Дарендорфу, а) чем больше имеется условий организации (см. табл. 12), б) чем больше распределение одних дефицитных ресурсов зависит от других, в) чем слабее мобильность между господствующими и подчиненными группами, тем острее конфликт. Козер тоже признает, что чем больше сложится условий, вызывающих конфликт, тем острее он окажется. Но затем, в отличие от Дарендорфа, Козер пытается показать, что, помимо «условий организации» Дарендорфа, есть и иные условия, благодаря которым у участников конфликта усиливаются вызванные им эмоции и которые, следовательно, приводят к его обострению (тезисы II—А, Б). В тезисе III Козера можно обнаружить «технические условия» Дарендорфа, но особенно это относится к тезису I—А, 2 в табл. 11, где рассматриваются причины конфликта. Однако Дарендорф тоже подчеркивает, что переменные, обозначающие идеологическое единство, воздействуют на остроту конфликта; это раскрывается благодаря тому, что, как признается в тезисе I табл. 12, «технические условия» организации вызывают обострение конфликта. Что касается второго тезиса Дарендорфа, относящегося к взаимному наложению распределяемых ресурсов, то в описи Козера для него не имеется прямых параллелей. Однако в тезисах Козера, относящихся к смягчающему действию вторичных отношений на остроту конфликта (II—Б, II—Б, 1,2), по-видимому, определяется, при каких структурных условиях взаимное наложение вознаграждений оказывается невероятным, и тем самым подразумевается, что для того, чтобы увеличить полезность тезиса Дарендорфа, необходим ряд дополнительных тезисов. Третий тезис Дарендорфа, относящийся к воздействию мобильности на остроту конфликта, обнаруживается в

табл. 11, при обсуждении Козером причин конфликта, ибо в своем анализе психологических переменных, которые лежат в основе желания развязать конфликт, Козер придает решающее значение мобильности. Дарендорф тоже считает, что именно мобильность порождает эмоции по поводу конфликта, но странным образом не рассматривает ее в качестве основополагающей причины конфликта (см. табл. 11).

Таблица 12

НАСИЛЬСТВЕННЫЙ ХАРАКТЕР И ОСТРОТА КОНФЛИКТА

Дарендорф	и подчиненными группами, тем острее конфликт
Уровень остроты	
I. Чем больше имеется «технических», «политических» и «социальных» условий организации, тем острее конфликт	
II. Чем больше распределение авторитета соединяется с иными формами вознаграждения (чем больше они накладываются друг на друга), тем острее конфликт	
III. Чем меньше мобильность между господствующими	

тем сильнее вызванные им эмоции (1956, р. 100)

2. Чем первичнее отношения между участниками конфликта, тем меньше вероятность открытого выражения ими своей враждебности, однако тем острее проявляется конфликтный характер ситуации (1956, р. 62—63, 68)

Б. Чем вторичнее отношения между участниками конфликта, тем фрагментарнее их причастность к нему, тем меньше эмоций он вызывает (1956, р. 85)

1. Чем вторичнее отношения, тем чаще конфликты, но слабее их эмоциональный накал (1956, р. 85)

2. Чем крупнее вторичные группы, тем чаще конфликты, но слабее их эмоциональный накал (1956, р. 98—99)

3. III. Чем больше конфликты объективируются в сфере надындивидуальных, сверхличных интересов, тем острее конфликт (1956, р. 116) А. Чем выше идеологическое единство группы, тем в большей мере конфликт выходит за пределы индивидуальных, узко эгоистических интересов (1956, р. 113)

1. Чем выше идеологическое единство группы, тем в большей мере групповые цели имеют коллективный характер и выходят за рамки эгоистических индивидуальных интересов (1956, р. 113)

2. Чем выше идеологическое единство группы, тем более осознанно будут начинаться конфликты, тем в большей степени они будут выходить за рамки эгоистических индивидуальных интересов (1956, р. 113)

Козер

Уровень остроты

I. Чем больше реализуется условий, вызывающих бурный конфликт, тем он острее (1967а) II. Чем сильнее эмоции по поводу конфликта у тех, кто в нем участвует, тем острее конфликт (1956, р. 59)

А. Чем первичнее отношения между участниками конфликта, тем сильнее вызванные им эмоции (1956, р. 98—100)

1. Чем меньше первичные группы, в которых происходит конфликт,

Дарендорф

Уровень насилия

IV. Чем меньше имеется «технических», «политических» и «социальных» условий организации, тем более насильственным является конфликт

V. Чем больше лишения, испытываемые угнетенными из-за определенного распределения вознаграждений, переключаются с абсолютного базиса нищеты на относительный, тем более насильственным является конфликт

VI. Чем менее конфликтные группы способны достигнуть регулируемых соглашений, тем более насильственным является конфликт

Козер

Уровень насилия

IV. Чем больше группы вступают в конфликт из-за своих реалистических интересов (объективных) интересов, тем мягче конфликт

А. Чем сильнее конфликты между группами связаны с реалистическими

1. Чем более неравномерно распределяется власть между группами, принимающими участие в конфликте, тем менее вероятно, что будут сделаны попытки отыскать альтернативные средства (1956, р. 45)

2. Чем более жесткой является система, в которой происходит конфликт, тем меньше имеется в ее распоряжении альтернативных средств (1956, р. 45)

V. Чем больше конфликт связан с нереалистическими спорными вопросами (ложными интересами), тем он острее (1956, р. 50).

А. Чем в большей мере конфликт происходит из-за нереалистических спорных вопросов, тем больше эмоций он вызывает у его участников, тем он острее (1956, р. 50)

1. Чем острее были предыдущие конфликты между какими-либо группами, тем сильнее будут эмоции, вызванные последующими конфликтами

Б. Чем более жесткой является система, где происходит конфликт, тем выше вероятность того, что конфликт окажется нереалистическим (1957)

В. Чем дольше длится реалистический конфликт, тем больше возникает нереалистических спорных вопросов (1956, особенно с. 58—59; 1967в)"-

Г. Чем в большей мере конфликтные группы создавались во имя конфликта, тем более нереалистическими будут последующие конфликт»

VI. Чем более жесткой является социальная структура, тем меньше институционализированных средств для погашения конфликта и снятия напряженности окажется в ее распоряжении, тем острее будет конфликт (1956, р. 85)

А. Чем первичнее отношения групп, между которыми происходит конфликт, тем более жесткой является структура

1. Чем неустойчивей первичные отношения, тем жестче их структура (1956, р. 68—70)

2. Чем устойчивее первичные отношения, тем подвижнее их структура (1956, р. 83—85)

Б. Чем более вторичны отношения групп, между которыми происходит конфликт (то есть чем больше они основаны на функциональной взаимообусловленности), тем выше вероятность того, что найдутся институционализированные средства для амортизации конфликта и смягчения напряженности, тем мягче окажется конфликт (1956, р. 85)

В. Чем больше контрольный механизм системы,

тем жестче ее структура, тем острее конфликт (1957)

VII. Чем больше внутригрупповой конфликт затрагивает основные ценности, центральные спорные проблемы, тем он острее (1956, р. 75)

А. Чем более жесткой является структура, в которой происходит конфликт, тем выше вероятность того, что конфликт затрагивает основные ценности, центральные спорные проблемы (1956, р. 79)

Б. Чем сильнее эмоции, вызванные той ситуацией, в которой происходит конфликт, тем выше вероятность того, что он происходит из-за основных ценностей, центральных спорных вопросов (1956, р. 76)

Примечание: Даты, приведенные в скобках, относятся к библиографии в конце этой главы.

Все тезисы Дарендорфа, относящиеся к остроте конфликта, даже если их дополнить тезисами из списка Козера, сталкиваются с аналитической проблемой, о которой уже упоминалось выше: почему эмоциональный накал, вызванный конфликтом, и те структурные условия, которые этот накал порождают, не рассматриваются в качестве причины конфликта? Может показаться, что между «техническими», «политическими» и «социальными» условиями организации, с одной стороны, а также «условиями», вызывающими обострение конфликта,— с другой (они перечислены в тезисах I— III табл. 12), различие устанавливается в значительной мере произвольно. На самом же деле можно доказать (по-видимому, именно это и делает Козер), что «условия организации» Дарендорфа оказывают весьма незначительное воздействие, если отсутствуют *первичные* условия, порождающие высокий эмоциональный накал. Более того, между вызванными конфликтом эмоциями и условиями организации, вероятно, существуют сложные циклические процессы обратных связей: на каком-то уровне обострения конфликта "актеры" охотнее организуются в конфликтные типы, которые в свою очередь воздействуют (еще не определено, как именно) на последующие уровни обострения, и т.д., причем складывается определенная последовательность во времени, которую следует выяснить. По-видимому, модель Дарендорфа недооценивает именно эту форму обратной связи, поскольку его диалектика конфликта характеризует обратную связь как механический, неотвратимый

процесс, тогда как настойчивое стремление Козера на всех стадиях конфликта включать в свой анализ как психологические, так и структурные переменные делает более понятными циклические процессы обратной связи, осуществляющейся по мере развертывания конфликта (см. табл. 11, 12, 13, 14).

Следовательно, для того, чтобы увеличить потенциал схемы Дарендорфа, необходимо соединить его тезисы, относящиеся к наложению вознаграждений и к мобильности (тезисы II и III в табл.12), с тезисами Козера в табл 11, в которых рассматриваются условия, вызывающие у "актеров" сомнения в законности существующей системы распределения ресурсов (тезис I в табл.11). В известной мере первый тезис в схеме Дарендорфа (тезис I в табл.11), относящийся к осознанию неравенства, помогает раскрыть, что именно обуславливает возникновение эмоций, и побуждает эмоционально возбужденных "актеров" (I и II тезисы Козера в табл 11) образовать конфликтную группу (I-A и –B тезисы Дарендорфа в табл 11). Кроме того, высказывания Козера (табл.12) по поводу типов организованных групп, в которых эмоции достаточно накалены, помогают объяснить, до какой степени обостряется конфликт – проблема, с которой сразу же сталкиваются первоначальные "условия организации" Дарендорфа. Следуя этому стратегическому курсу, тезисы теории конфликта могли бы по крайней мере указать: 1) каковы некоторые из структурных условий, необходимые для того, чтобы распределение ресурсов пробуждало у "актеров" чувство неравенства; 2) при каких организационных условиях эти пробуждающиеся эмоции канализируются в конфликтных группах; 3) в чем заключается взаимодействие между организацией группы и последующим эмоциональным участием в конфликте¹⁸.

Такая реорганизация схемы позволила бы более адекватно выяснить, при каких условиях конфликт, вероятно, приобретает насильственный характер, как это видно в IV, V и VI тезисах Дарендорфа из табл. 12. В тезисе IV Дарендорф показывает, что чем острее конфликт (чем сильнее пробужденные им эмоции) и чем меньше каналов, по которым эти эмоции могут изливаться в конфликтных группах, тем более насильственным будет конфликт¹⁹. Выполненный Козером в тезисах III и IV табл. 12 анализ реалистического и нереалистического²⁰ конфликта указывает на то же самое явление, но, как и в других своих тезисах, он затем устанавливает некоторые условия, при которых даже наличие каналов, позволяющих изливать эмоции, окажется не эффективным и, следовательно, приведет к усилению эмоционального накала, а возможно, придаст конфликту, если он в конце концов разразится, насильственный характер. Кроме того, в отличие от Дарендорфа, Козер обращает особое внимание на взаимодействие психологических и структурных переменных на всех стадиях конфликта. Подобно

тому как структурные условия пробуждают эмоции, которые при определенных дополнительных условиях могут канализироваться и образовать конфликтные группы, что в свою очередь при других дополнительных условиях может увеличить или уменьшить остроту конфликта, так и данный уровень остроты и образование конфликтной группы, взаимодействуя с определенными дополнительными условиями, воздействует на степень применения насилия в конфликте (см. тезисы IV—А, 1,2; V—А, 1, V—Б, В, Г; VI; VI—А; VI—А, 1,2; VI—Б, В). Поскольку некоторые из этих условий включают в себя те же самые переменные, которые порождают и первоначальный отход от законности, и пробуждение эмоций, и организацию конфликтных групп, и усиление вызванных конфликтом эмоций, постольку в списке Козера содержатся указания на результаты переключений и взаимодействий структурных и психологических переменных в разные моменты, на разных стадиях конфликта.

Однако именно Дарендорф вводит важную психологическую переменную (см. его тезис V в табл. 12), которую, по-видимому, опускает Козер, — относительное обнищание²¹. Хотя Козер относит эту переменную к причинам конфликта (табл. 11), все же включение Дарендорфом этой переменной именно в этом пункте заполняет разрыв между тезисами Козера. Несмотря на то что относительное обнищание играет среди причин конфликта решающую роль, оно тоже взаимодействует с различными структурными условиями (IV тезис Дарендорфа и IV и V тезисы Козера) и в результате оказывает воздействие на степень применения насилия в конфликте.

В VI тезисе обоих авторов (табл. 12) каждый из них признает, что способность системы институционализировать конфликт влияет на степень применения насилия, однако при этом тезис Козера указывает на некоторые условия, влияющие на способность системы нормативно регулировать антагонистические отношения. Наконец, список тезисов Козера признает, что ценности и спорные вопросы, которые разделяют антагонистические стороны, оказывают воздействие на степень применения насилия (тезис VII, табл. 12), тогда как Дарендорф, по-видимому, игнорирует эту переменную— потому, наверное, что конфликт отражает «борьбу за авторитет», а другие спорные вопросы просто представляют собой «надстройку», которая маскирует действительные источники конфликта. Однако даже в этом случае весьма вероятно, что тип символической надстройки, применяемый ради того, чтобы возбудить или успокоить участников конфликта, окажет большое влияние на насильственный характер конфликта. Хотя Дарендорф и признает имплицитно эту переменную, обсуждая вопрос о том, каким образом отсутствие «технических» условий организации увеличивает вероятность

насильственного конфликта (тезис IV, табл. 12), все же введение этой переменной, по-видимому, не имеет большого значения для его схемы. Таким образом, VII тезис Козера вносит необходимое дополнение в список Дарендорфа.

Длительность конфликта

Из табл. 13 со всей очевидностью следует, что Дарендорф в своем формализованном списке не предлагает никаких тезисов относительно длительности конфликта. Этот пробел является серьезным недостатком всего списка, поскольку длительность конфликта, очевидно, имеет двусторонние имплицитные связи с причинными переменными, обуславливающими возникновение конфликтов в будущем, а также их остроту и степень применения насилия. В противоположность Дарендорфу, Козер предлагает интересный перечень тезисов. Согласно Козеру, решающее значение для определения длительности конфликта имеют: ясность целей, стоящих перед группами, принимающими участие в 'конфликте'; степень согласия конфликтных групп по поводу того, что считать победой и поражением; умение лидеров уловить, во что обойдется победа, и убедить своих сторонников в желательности окончания конфликта. На каждую из этих переменных в свою очередь оказывают влияние другие переменные, например: вызванные конфликтом эмоции (I—A), степень реалистичности подхода к конфликту (II—A), уровень поляризации (III—A, I), степень обладания властью (III—A), четкие показатели победы (IV-B), уровень централизации (V-B).

Таблица 13

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ КОНФЛИКТА

Козер

I. Чем меньше ограничены цели сторон, принимающих участие в конфликте, тем продолжительнее конфликт (1967d)

A. Чем меньше эмоций вызывает конфликт, чем подвижнее структура и реалистичнее характер конфликта, тем вероятнее, что цели его участников должны быть ограничены (1956, с. 48—55, 59)

II. Чем меньше у участников конфликта согласия по поводу его целей, тем продолжительнее конфликт (1967d)

A. Чем нереалистичнее конфликт, тем вероятнее разногласия по поводу целей конфликта (1956, с. 50)

III. Чем меньше поддается интерпретации символический смысл победы

или поражения «противной стороны», тем продолжительнее конфликт '(1967d)

А. Чем меньше у обеих сторон согласия по поводу символов, тем хуже каждая из них может интерпретировать символический смысл победы или поражения противника (1967d)

1. Чем сильнее поляризация участвующих в конфликте групп, чем большее влияние оказывает на них конфликт друг с другом, тем меньше у них согласия по поводу символического смысла победы или поражения (1967d)

2. Чем меньше в каждой группе, принимающей участие в конфликте, экстремистских фракций, тем вероятнее, что они будут согласны по поводу символического смысла победы или поражения (1967d)

IV. Чем лучше лидеры конфликтных групп сумеют понять, что полное достижение целей обходится гораздо дороже, чем победа, тем непродолжительнее будет конфликт (1967d) А. Чем равномернее распределена власть между двумя конфликтными группами, тем вероятнее, что лидеры должны будут понять, как дорого обходится достижение всех целей (1956, p. 20)

Б. Чем более четкими являются показатели поражения или победы в конфликте, тем вероятнее, что лидеры должны будут понять, как дорого обходится достижение всех целей (1967d)

Примечание: в конце главы.

Последствия конфликта

В табл. 14 тезисы обеих схем, относящиеся к последствиям конфликта, перечисляются таким же образом, как и в предыдущих таблицах. У Дарендорфа единственным результатом, включенным в его модели, оказываются социальные изменения, причем в расчет в качестве переменных явлений принимается только их количество (тезис I) и темпы (тезис II). С другой стороны, Козер концептуализировал явления совершенно противоположного характера.

Вслед за Зиммелем Козер в этих тезисах в самых общих чертах намечает интегративные и «адаптивные» функции конфликта — как для каждой из групп, принимающих участие в конфликте (тезисы I—IV), так и для более широкой системы, в которой происходит конфликт (тезисы V—IX). Согласно тезисам I—IV, конфликт может вызвать усиленное разграничение групп, централизованное принятие решений, идеологическую сплоченность, усиление социального контроля. Эти события происходят только при определенных условиях, в том числе при определенном уровне жесткости и дифференциации социальной структуры, определенной остроте конфликта и при определенном уровне восприятия, когда чувствуется, что конфликт затрагивает все фракции группы.

И в списке Дарендорфа, и в списке Козера имеются императивистские допущения, согласно которым конфликт функционально необходим либо для регулирования системы (Козер), либо для ее изменений (Дарендорф). Подобные дополнительные императивистские соображения, 'вероятно, совершенно неизбежны при крайней односторонности каждого из этих списков. Несмотря на то что дивергенция этих двух списков предполагает высокий уровень их комплементарное™, перечень Дарендорфа слишком неполон, чтобы предложить такой набор тезисов, который мог бы «уравновесить» суждения Козера. Чтобы обеспечить такое равновесие, список Дарендорфа следовало бы расширить с тем, чтобы включить в него ряд дополнительных суждений. 1. Одна группа таких суждений показала бы, какое влияние оказывает тот тип структуры, в котором происходит конфликт, либо на его остроту, либо на его насильственный характер. Хотя тезисы Козера слишком односторонни и подчеркивают в первую очередь позитивные функции конфликта, все же он делает попытку показать, каким образом структура, в которой происходит конфликт, может повлиять на различные уровни и типы интеграции и адаптации. 2. Другая группа суждений относилась бы к обратной связи уже вспыхнувшего конфликта с образованием конфликтной группы (или ее дезинтеграцией). Дарендорф по существу игнорирует следующее обстоятельство: само по себе существование конфликта—это одно из «условий организации», которое оказывает влияние на все последующее развитие антагонистического противоборства. Этот вывод, несомненно, был одной из важнейших заслуг Зиммеля, и Козер поступил мудро, включив его (хотя и очень односторонне) в свой список (тезисы I—IV табл. 14).

Таблица 14

ПОСЛЕДСТВИЯ КОНФЛИКТА

Дарендорф

I. Чем острее конфликт, тем больше он произведет структурных изменений и реорганизаций

II. Чем насильственнее конфликт, тем выше темпы структурных изменений и реорганизаций

Козер

I. Чем острее конфликт, тем лучше разграничиваются одна от другой конфликтующие между собой группы (1956, р. 37—38)

II. Чем острее конфликт, чем сильнее разделение труда в каждой из конфликтных групп, тем вероятнее, что в каждой из них структура принятия решений будет централизованной (1956, р. 95)

А. Чем острее конфликт, чем менее дифференцирована структура, чем она неустойчивее, чем меньше внутренняя сплоченность, тем деспотичнее централизация (1956, р. 92)

III. Чем острее конфликт, чем сильнее ощущается его воздействие на все сегменты каждой группы, тем лучше содействует конфликт укреплению структурной и идеологической сплоченности членов соответствующих групп, принимающих участие в конфликте (1956, р. 93)

IV. Чем в большей мере отношения между членами соответствующих групп, принимающих участие в конфликте, носят первичный характер, чем острее конфликт, тем больше он приводит к подавлению инакомыслия и отклонений в каждой из конфликтующих групп и усиливает подчинение нормам и ценностям (1956, р. 69—72)

А. Чем больше конфликт между группами ведет к усилению конформизма, тем больше накапливается враждебных чувств, тем вероятнее, что в конце концов вспыхнет внутригрупповой конфликт (1956, р. 48).

V. Чем подвижнее социальная структура, в которой происходит межгрупповой конфликт, чем чаще конфликты и чем они слабее, тем вероятнее, что изменения системы в результате приведут к усилению ее адаптивности и интеграции (1956, р. 45—48)

А. Чем подвижнее система, тем вероятнее, что конфликт будет содействовать инновациям и творчеству (1957)

Б. Чем подвижнее система, тем меньше вероятность того, что конфликт вызовет перенесение враждебных чувств на альтернативные объекты, тем вероятнее, что конфликт столкнулся с реальными источниками напряженности (1956, р. 45—48, 1967с)

1. Чем в большей мере система основывается на функциональной взаимозависимости, тем чаще и мягче конфликты, тем вероятнее, что они ликвидируют напряженность, не приводя при этом к поляризации системы (1956, р. 85)

2. Чем устойчивее первичные отношения в системе, чем чаще и мягче конфликты, тем вероятнее, что они снимут напряженность, не вызывая поляризации системы, но не в такой степени, чтобы система стала базироваться на вторичных отношениях (1956, р. 83, 85)

В. Чем подвижнее система, тем выше вероятность того, что конфликт воспринимается властью имущими в качестве сигнала непригодности, на который нужно обратить внимание (1966; 1967с)

VI. Чем чаще происходят конфликты, тем меньше вероятность того, что

они отражают разногласия по поводу основных ценностей, тем в большей мере их функциональное значение состоит в том, чтобы сохранять, по-видимому, равновесие (1956, р. 73)

А. Чем больше группа, принимающая участие в конфликте, может апеллировать к основным ценностям системы, тем меньше вероятность того, что конфликт вызовет разногласия по поводу этих ценностей, с тем большей вероятностью он усилит интеграцию системы (1968)

Б. Чем меньше группа, принимающая участие в конфликте, отстаивает какие-нибудь крайние интерпретации основных ценностей, тем ниже вероятность того, что образуется противостоящая ей группа, тем меньше разрушений причиняет конфликт системе (1968) VII. Чем чаще и слабее конфликты, тем выше вероятность того, что они будут содействовать нормативной регуляции конфликтов

А. Чем подвижнее система, тем чаще и слабее конфликты (1956, р. 125; 1957)

1. Чем подвижнее система, тем выше вероятность того, что конфликт приведет к оживлению существующих норм (1956, р. 125)

2. Чем подвижнее система, тем с большей вероятностью конфликт вызовет к жизни новые нормы (1956, р. 125)

Б. Чем чаще и слабее конфликты, тем больше вероятность того, что группы, пытаясь поддержать конформизм своих членов по отношению к нормам, управляющим конфликтом, станут централизованными (1956, р. 129)

1. Чем равномернее распределяется власть между конфликтными группами, тем выше вероятность того, что благодаря конфликту возникнет централизация, укрепляющая нормативный конформизм (1956, р. 129)

VIII. Чем подвижнее система, тем выше вероятность того, что конфликт сможет установить в системе сбалансированную иерархию власти (1956, р. 133—138) А. Чем меньше известно о силах противника, тем ниже соответствующие индексы, тем выше вероятность того, что конфликт между двумя группами, соперничающими в борьбе за власть, укрепит в системе равновесие отношений власти (1956, р. 136)

IX. Чем подвижнее система, тем вероятнее, что конфликт вызовет образование ассоциативных коалиций, а это укрепит целостность и интеграцию системы (1956, р. 140)

А. Чем больше одним группам в данной системе угрожает коалиция других групп, тем выше вероятность того, что они тоже объединятся в ассоциативную коалицию (1956, р. 148)

Б. Чем в большей мере система базируется на функциональной

взаимообусловленности, тем вероятнее, что коалиции будут носить инструментальный характер и окажутся не слишком долгосрочными (1956, р. 142)

1. Чем сильнее проявляется раскол системы, тем выше вероятность того, что интересы групп, входящих в коалицию, тоже вступят в конфликт, а коалиция будет носить инструментальный характер (1956, р. 142)

2. Чем в большей мере коалиция образуется в чисто оборонительных целях, тем вероятнее, что она окажется инструментальной (1956, р. 149)

В. Чем в большей мере отношения в системе являются первичными, чем лучше они структурированы, тем вероятнее, что в коалициях возникнут общие нормы и ценности, причем образуется более постоянная группа (1956, р. 142)

1. Чем в большей степени коалиции состоят из индивидов (или, говоря более обобщенно, чем мельче единицы, из которых состоит коалиция), тем выше вероятность того, что они превратятся в постоянную группу (1956, р. 146)

Таким образом, тезисы Козера говорят о том, в каких направлениях должен происходить пересмотр тезисов Дарендорфа. Напротив, интерес Дарендорфа к социальным изменениям означает довольно резкий разрыв с целиком «функциональной» концепцией реальности Козера, согласно которой конфликт, по-видимому, благоприятствует только интеграции и «адаптивности». Чтобы выправить этот перекося, список тезисов Козера следовало бы дополнить некоторыми суждениями, о которых говорится в схеме Дарендорфа; серия наиболее важных суждений Дарендорфа показала бы, каково переменное влияние острого или насильственного конфликта как на обе его стороны, так и на ту целостную систему, в которой он происходит. В подобных тезисах был бы поставлен вопрос о том, каким образом самые разные формы конфликтов, взаимодействуя с самыми разнообразными структурными контекстами, содействуют не только интеграции и адаптивности, но и таким процессам, как изменения, реорганизация и распад групп, принимавших участие в конфликте, и всей системы, в которой происходит конфликт. Действительно, от переменной адаптивности следовало бы отказаться, поскольку она обуславливает неизбежность оценочных суждений по поводу того, каким должно быть «надлежащее» состояние системы по отношению к окружающей ее среде. Вместо всего этого из обоих списков следовало бы вычеркнуть некоторые из их императивных допущений по поводу функций конфликта (независимо от того, идет ли речь об изменениях или об устойчивом состоянии) и просто обратить внимание на те последствия, какие имеет конфликт для целостной системы и различных ее частей. Именно таким образом взаимодействие, оказывающее свое влияние на

многие переменные, связанные с получением различных результатов, можно было бы очень легко включить в сбалансированную систему теоретических положений.

Пропозициональный синтез: заключительная точка зрения

Эта коротенькая глава представляет собой упражнение на тему, которой недоброжелательная критика может приклеить *ad hoc* ярлык жонглирования абсолютно несоизмеримыми тезисами. Критики могли бы заявить, что, когда подобные упражнения проделывались в табл. 11—14, то тезисы были вырваны из аналитического и содержательного контекста, а построение теории свелось к искусству составлять из этих тезисов «картинки-загадки». Подобным схемам неизбежно будет не хватать целостности, свойственной хорошей теории, ибо как это возможно, чтобы тезисы разных мыслителей, вырванные из контекста и совмещенные друг с другом, образовали последовательную теоретическую систему, которая стимулировала бы эмпирические исследования? Тем критикам, которые легко позволили бы себе утомиться упражнениями, проделанными в табл. 11 —14, можно было бы возразить следующим образом.

Во-первых, социологическое теоретизирование уже начало увязать в конструировании концептуальных направлений, которые часто оказываются смесью высказанных и невысказанных допущений, а также имплицитных и эксплицитных тезисов. Подобные направления обычно конструировались либо относительно независимо друг от друга, либо в духе чрезмерно резкой реакции на допущения какого-нибудь нежелательного направления (чаще всего функционализма). Несмотря на то что каждая схема, которая была сконструирована тем или иным из этих способов, быть может, и обнаруживает необходимую для зрелой теории целостность и последовательность, в конечном итоге теоретические направления в социологии не ладят друг с другом, причем каждое из них отстаивает определенную школу мышления. Кроме того, следует учитывать психологические склонности сторонников каждой школы: мыслители либо вели полемику с другими направлениями, пытаясь при этом продемонстрировать свои собственные заслуги, либо разрабатывали свои индивидуальные схемы, по-видимому даже не пытаясь при этом осознать, какой вклад могли бы внести другие направления. Именно благодаря этой ситуации стало возможным выделить на страницах книги или в содержании теоретических знаний четыре главных школы или направления, какими являются направления функционализма, конфликта, взаимодействия и обмена, которые включены в этот том, а затем обсудить схемы главных мыслителей, работающих в пределах каждого из этих общих направлений.

Во-вторых, как подчеркивалось выше, когда делались попытки разрушить довольно произвольные барьеры между ними, сторонники синтеза обычно пытались совместить *допущения* (а не тезисы) двух или нескольких направлений, которые, по их мнению, обнаруживали гораздо больше сходства, чем прежде улавливали представители этой дисциплины. Такая деятельность могла оказаться полезной, если бы ей сопутствовала более сложная задача — синтезировать фактически существующие теоретические положения, которые были внушены соответствующими допущениями каждого из синтезируемых направлений. В отсутствие же такого рода деятельности уместно поставить следующий вопрос: какую пользу для создаваемой теории приносит совмещение допущений, если «оценочные суждения» по поводу того, что «по-настоящему реально» в общественной жизни, можно подтвердить или опровергнуть только в том случае, когда они сформулированы в виде поддающихся проверке высказываний? Создавая теорию, часто бывает полезно понять допущения, сделанные теоретиками, но реально принимаются во внимание только проверяемые высказывания каждого теоретика. Ибо действительно только поддающиеся проверке положения отличают науку от метафизических философских трактатов. К сожалению, многое из того, что происходит при теоретическом синтезе в социологии, напоминает совмещение философских допущений о природе реального мира, а не ряд проверяемых суждений, которые подтвердили бы или опровергли подобные допущения.

При всех недоработках, которые имеются в табл. 11—14, в них отстаивается совершенно ясная стратегия построения теории — попытаться выразить тезисы различных мыслителей в абстрактной форме, а затем приступить к трудной задаче синтеза этих положений: а) друг с другом, б) с другими теоретическими направлениями и, самое главное, в) с имеющимися в наличии эмпирическими данными. В этой главе осуществлена лишь первая часть этого стратегического замысла — сделана попытка совместить абстрактные теоретические положения, имеющие одинаковую теоретическую ориентацию, подкрепленная самым внимательным изучением других теоретических направлений и всего имеющегося эмпирического материала. Эта последняя задача — привлечения эмпирических данных, — быть может, гораздо труднее по сравнению с упражнением, выполненным в табл. 11—14, но ее можно решить гораздо эффективнее, если выразить абстрактные теоретические положения мыслителей эксплицитно и придать им подлинно теоретическую форму — даже в том случае, если это решение носит такой же приближенный, предварительный характер, как и то, которое намечено здесь. Только таким образом теория может освещать

эмпирические исследования, а исследования — содействовать пересмотру теории.

Что касается тех критиков, которые предпочли бы не придавать своим высказываниям подлинно теоретической формы, то можно сделать лишь один вывод: их больше интересует социальная философия, а не наука. Что касается тех критиков, которые посчитают сделанные в этой главе попытки упражнением *ad hoc*, то можно только допустить, что их интересует не теоретическая форма, а лишь «последовательные» направления, где допущения и высказывания остаются имплицитными и, следовательно, непроверяемыми. Что касается тех критиков, которые обратят внимание на «немногочисленность» мыслей Козера и Дарендорфа, обнаруженную в табл. 11—14, то им можно только возразить, что первоначальные попытки создать теорию, в противоположность попыткам создать метафизические схемы, всегда будут скромными. К чести Козера и Дарендорфа, они, в конечном итоге, предпочли изложить свою аргументацию пропозиционально и тем самым сделали соответствующие схемы доступными такой проверке, которая обещает социологии реальную теоретическую отдачу. Если рассматривать их в этом контексте, то Козер и Дарендорф внесли серьезный вклад в построение теории; при этом они усовершенствовали способность социологии находить научное решение поставленной Гоббсом проблемы порядка.

Избранная библиография теоретических работ Ральфа Дарендорфа

Dahrendorf R. *Class and Class Conflict in Industrial Society*. Stanford, Calif., Stanford Univ. Press, 1957.

Dahrendorf R. *Toward a Theory of Social Conflict*. — «*Journal of Conflict Resolution* 2», June, 1958 (a).

Dahrendorf R. *Out of Utopia Toward a Reorientation of Sociological Analyses*. — «*American Journal of Sociology*», September, 1958, 64 (b).

Dahrendorf R. *Gesellschaft und Freiheit*. Munich, R. Piper, 1961.

Dahrendorf R. *Essays in Theory of Society*. Stanford, Calif., Stanford Univ. Press, 1967.

Coser L. A. *The Functions of Social Conflict*. London, Free Press, 1956.

C o s e r L A *Social Conflict and the Theory of Social Change*. — «*British Journal of Sociology*», September, 1956, 8, p. 197—207.

Coser L. A. *Some Functions of Deviant Behavior and Normative Flexibility*. — «*American Journal of Sociology*», September, 1962, 68.

Coser L. A. *Social Functions of Violence*. — «*Annales of the American Academy of Political and Social Science*», March, 1966, 364, P- 9—18,